

Ярость и рассвет

Автор:

[Рене Ахдие](#)

Ярость и рассвет

Рене Ахдие

Young Adult. Сумеречная жажда Ярость и рассвет #1

Эпическая история любви, вдохновленная книгой «1001 и 1 ночи».

В королевстве Хорасан правит безжалостный халиф. Каждый день он берет в жены новую девушку и казнит ее на рассвете.

После гибели единственной подруги шестнадцатилетняя Шахразада клянется, что отомстит тирану. Чтобы убить кровавого правителя, она добровольно соглашается стать его невестой.

Но сначала Шахразаде нужно придумать, как избежать собственной гибели. Она рассказывает халифу историю за историей, обрывая их на интересном месте. Вскоре девушка начинает догадываться, что за жестокостью халифа скрывается страшная тайна.

Шахразада проникается сочувствием к нему и хочет разорвать порочный круг смерти. Сможет ли любовь восторжествовать в мире, наполненном ненавистью, ложью и предательством?

Бестселлер The New York Times.

«100 лучших фэнтези романов всех времен» по версии журнала TIME.

Победитель премии YALSA в номинации Best Fiction for Young Adults Pick.

Young Adult книга года – выбор Amazon.

«Ярость и рассвет» – новая дилогия от автора бестселлера «Красавица» и «Падший».

Рене Ахдие

Ярость и рассвет

Виктору – главной сказке моего сердца.

И Джессике – моей путеводной звезде в ночном небе

Твои дерзания хотя бы иногда,

Но достигают долгожданного ответа.

Зачем же ночь,

когда б не знали мы рассвета...

Значенье солнца укрывает ночи мгла.

Джалал ад-Дин Мухаммад Руми[1 - Мавлана? Джалал ад-Ди?н Мухамма?д Руми? (1207-1273 гг.) – персидский поэт-суфий. – Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.]

Renee Ahdieh

THE WRATH AND THE DAWN

Copyright © 2015 by Renee Ahdieh

© О. Бурдова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Грядущий рассвет не относился к числу долгожданных.

Уж отзвучала история ночных небес, и на горизонте возник предвестник печали – серебряный ореол.

На плоской кровле мраморного дворца в молчании стояли юноша и его отец. Они наблюдали, как бледный свет раннего утра медленно и осторожно теснил ночную тьму.

– Где он? – спросил юноша.

– Не покидал своих покоев с тех самых пор, как отдал распоряжение, – ответил мужчина, не глядя на сына.

Юноша провел рукой по курчавым волосам, глубоко вздохнул и заключил:

– Весь город взбунтуется.

– И ты не мешкая разгромишь наголову любой мятеж, – последовал суровый отклик, по-прежнему обращенный к безрадостной полосе рассвета.

– Не мешкая? Смеею предположить, что любая семья, вне зависимости от положения и статуса, возжелает отомстить за детей.

– О, они непременно возжелают. – Отец наконец взглянул на сына, отметив запавшие глаза, устремленные вовнутрь. А плечи, казалось, опустились под

весом огромной тяжести. – Как и должно. Ты же проследишь, чтобы их усилия остались тщетными. Исполнишь свой долг перед повелителем. Тебе все ясно?

– Да, мне все ясно, – после недолгой паузы отозвался юноша.

– Генерал аль-Хури? – послышался за их спинами голос солдата.

– Да? – отозвался мужчина, оборачиваясь к подчиненному.

– Исполнено.

После кивка генерала солдат вышел.

На крыше остались лишь отец с сыном. Они пристально всматривались в небо. Выжидательно.

Вскоре на сухую поверхность под их стопами упала первая капля, которая тут же испарилась на обожженном камне. За ней последовала другая. Скользнув по железным перилам, она исчезла в пустоте.

Спустя несколько секунд вокруг двоих мужчин уже мерно стучал дождь.

– Вот и доказательство, – сказал генерал голосом, в котором звучала скрытая мука.

Юноша отозвался не сразу.

– Он не выдержит подобного, отец.

– Ему придется. Он сильный. И справится.

– Ты никогда не понимал Халида. Дело не в силе воли, а в его сущности. Это разрушит его душу, оставив лишь оболочку, тень его прежнего.

– Ты считаешь, мне нравится происходящее? – поморщился генерал. – Я бы пожертвовал жизнью, чтобы предотвратить все это. Но у нас нет выбора.

– Я отказываюсь в это верить, – покачал головой юноша, смахивая с лица дождевые капли.

– Джалал...

– Должен быть иной способ, – отрезал он, после чего отвернулся от перил и скрылся на лестнице.

По всему городу давно пересохшие колодцы начали наполняться водой. Потрескавшиеся на палящем зное емкости искрились озерцами надежды. Жители Рея просыпались и выбегали на улицы с радостными криками, подставляя лица каплям дождя.

И не подозревая о цене этого чуда.

А в глубине мраморного дворца восемнадцатилетний юноша в полном одиночестве сидел за столом из полированного эбенового дерева. И прислушивался к звукам льющейся снаружи воды.

Единственный источник света в комнате отражался в глазах цвета янтаря.

И этот свет пропадал, поглощенный тьмой.

Юноша поставил локти на колени и обхватил голову руками. Затем закрыл глаза, погружаясь в эхо отзвучавших слов, которые наполняли сознание обещанием жизни, навеки связанной с прошлым.

Жизни, посвященной расплате за грехи.

Сотня жизней за одну отнятую. По одной жизни на каждый рассвет. Пропустишь хоть утро, и я заберу все твои мечты. Заберу твой город.

И заберу тех жизней тысячекратно.

Размышления о шелке и золоте

Обращались с ней неласково. Да и с чего бы?

В конце концов, никто не ожидал, что она переживет завтрашнее утро.

Руки, что проводили гребнем из слоновой кости по волосам Шахразады, доходившим до пояса, и втирали порошок сандалового дерева в ее бронзовую кожу, работали с жестокой отстраненностью.

Затем юная служанка присыпала голые плечи молодой госпожи золотой пудрой, которая мерцала и переливалась в лучах заходившего солнца.

Порывы свежего ветерка заставляли колыхаться шелковую обивку стен покоев Шахразады. Сквозь резные деревянные створки, ведущие на террасу, доносился сладкий аромат цветков апельсина, нашептывая, что свобода теперь находится вне досягаемости.

«Это был мой собственный выбор. Ради Шивы».

– Я не ношу ожерелья, – сказала Шахразада, когда другая служанка начала застегивать исполинских размеров драгоценное украшение на шею.

– Это подарок халифа. Вы должны надеть это, госпожа.

– А что случится, если я не пожелаю? – поинтересовалась Шахразада, кинув на невысокую служанку недоверчивый взгляд. – Он меня убьет?

– Пожалуйста, госпожа, я...

– Полагаю, сейчас неподходящее время отстаивать свои убеждения, – вздохнула Шахразада.

– Да, госпожа.

– Меня зовут Шахразада.

– Я знаю, госпожа. – Смущенно пробормотала служанка, отводя глаза.

После чего продолжила возиться с нарядом, опустив тяжелую позолоченную мантию на сверкавшие плечи невесты халифа. Шахразада посмотрела в зеркало, чтобы оценить результат кропотливых трудов.

Полуночно-черные пряди блестели, точно волны полированного обсидиана. Светло-карие глаза были подведены угольной сурьмой и жидким золотом. Длинные стрелки придавали взгляду выразительность. По центру лба красовалась рубиновая капля размером с ноготь, такая же болталась на тонкой цепочке вокруг оставленной открытой талии и периодически задевала широкий шелковый пояс широких шаровар. Сама мантия из светлого дамаста[2 - Дамаст – узорчатая шелковая ткань, которую ткали с раннего Средневековья в Дамаске, Сирия.] была расшита золотыми и серебряными нитями. Затейливый узор переливался и переплетался на ткани, ниспадавшей до пола.

«Выгляжу как разряженный павлин», – подумала Шахразада, вслух же произнесла:

– Все невесты выглядели так же нелепо?

Обе служанки снова отвели глаза, явно испытывая неловкость.

Наверняка Шива казалась не помпезной, а красивой. Красивой и сильной.

При этой мысли Шахразада вонзила ногти в ладони, оставляя на коже полумесяцы железной решимости. Лицо превратилось в бесстрастную маску.

Раздался тихий стук в дверь. Все три головы повернулись в унисон, прозвучал дружный выдох.

Несмотря на новообретенное мужество, сердце Шахразеды затрепыхалось в груди.

– Можно войти? – нарушил тишину мягкий голос, в котором слышались просительные и извиняющиеся нотки.

– Баба[З - Баба? – уважительное обращение к отцу в арабских странах.], что ты здесь делаешь? – медленно, осторожно выдохнула Шахразада, стараясь замаскировать настороженность терпеливым выражением лица.

Джахандар Аль-Хайзуран медленно вошел в покои. В его бороде и на висках серебрилась седина. В карих глазах перетекали, переливались мириады оттенков, словно морские волны во время шторма. В руках отец держал единственный бутон розы с почти бесцветными лепестками, лишь по краям окрашенными в светло-лиловый.

– Где Ирса? – спросила Шахразада, уже не скрывая тревоги.

– Дома, – грустно улыбнулся дочери Джахандар. – Я запретил идти со мной, хотя она до последнего настаивала и ярилась.

Шахразада про себя порадовалась, что отец хотя бы в этом последовал ее желаниям, и мягко упрекнула:

– Тебе следовало остаться с сестрой. Она нуждается в тебе. Обещай, что не покинешь ее сегодня вечером. Сделай это ради меня, баба. Как мы обсуждали. – Она протянула руку, взяла свободную ладонь Джахандара и сжала ее, пытаясь этим жестом передать свою просьбу следовать ранее оговоренному плану.

– Я... Я не в состоянии дать подобное обещание, дитя, – прошептал отец, опустив голову. Узкие плечи вздрагивали от едва сдерживаемых рыданий. – Шахразада...

– Будь сильным. Ради Ирсы. Не волнуйся, все будет хорошо, – произнесла девушка, стирая слезы с увядшего лица Джахандара.

– Прости мою слабость. Одна мысль, что сегодняшней вечер может быть последним в твоей жизни...

– Это не так. Я обязательно увижу завтрашний рассвет. Клянусь.

Джахандар кивнул, хотя несчастное выражение его лица ничуть не изменилось, и протянул дочери не до конца распустившийся бутон розы.

– Это последний цветок из моего сада. Пусть напоминает тебе о доме.

Стараясь улыбкой выразить любовь и благодарность, Шахразада потянулась, чтобы принять дар, но отец остановил ее. Поняв, что он задумал, девушка начала протестовать.

– Позволь мне сделать для тебя хотя бы это, – прервал ее Джахандар, хотя слова его звучали тихо, едва слышно.

Он пристально всмотрелся в бутон, сведя брови и поджав губы. Одна из служанок кашлянула в кулак, другая же не отрывала взгляда от пола.

Шахразада терпеливо ждала, понимая, что сейчас произойдет.

Роза начала медленно распускаться. Лепестки раскрывались, будто обрели собственную жизнь от прикосновения невидимой руки. Прекрасный аромат, сладкий и идеальный, поплыл в воздухе... только чтобы спустя секунду стать дурманящим, чересчур насыщенным. Приторным. Края цветка сменили цвет с великолепного нежно-лилового на темно-ржавый в мгновение ока. После чего бутон увял и погиб.

Джахандар с ужасом наблюдал, как ссохшиеся лепестки опадают на белый мраморный пол.

– Я... Прости меня, дитя, – прошептал он.

– Ничего страшного. Я никогда не забуду красоты розы. Несколько мгновений она была идеальной, баба, – заверила Шахразада, обвивая руками шею отца и притягивая его к себе. Затем тихо, чтобы услышал лишь он, добавила: – Забирай Ирсу и отправляйтесь к Тарику, как и договаривались.

Джахандар кивнул. В его глазах снова блеснули слезы.

– Я люблю тебя, моя прекрасная девочка.

– И я тебя люблю. И сдержу обещания. Все обещания.

Охваченный эмоциями, Джахандар молча смотрел на старшую дочь.

В это мгновение снова раздался стук в дверь. На этот раз требовательный, а не умоляющий.

Шахразада резко обернулась к двери, заставив две рубиновые капли вздрогнуть, и выпрямилась, вскинув подбородок.

Джахандар сместился в сторону, закрыв лицо руками, позволяя дочери решительно направиться к выходу.

- Прости меня, - прошептала она отцу прежде, чем перешагнуть порог и последовать за группой стражников, возглавлявших процессию.

Когда Шахразада скрылась за поворотом, Джахандар упал на колени и принялся рыдать.

Эти горестные звуки эхом разносились по огромным дворцовым коридорам, отчего ноги девушки подкашивались. Она застыла, чувствуя, как трясутся колени под тонкой шелковой тканью широких шаровар.

- Моя госпожа? - скучающим тоном поторопил Шахразаду один из стражников.

- Ничего, пусть подождет, - задыхаясь, произнесла она.

Охранники обменялись взглядами.

Сражаясь с подступавшими слезами, грозившими оставить дорожки на щеках, Шахразада прижала руку к груди, мимоходом задев кончиками пальцев край тяжелого золотого ожерелья. Громоздкое украшение, усеянное несуразно большими самоцветами неслыханной стоимости, обхватывало горло и душило. Как кандалный ошейник, усыпанный драгоценностями. Пару секунд пленница размышляла, не сорвать ли с себя этот оскорбляющий достоинство и указывающий на рабское положение предмет.

Гнев успокаивал. Служил напоминанием.

О Шиве.

О лучшей подруге. О ближайшей наперснице.

Шахразада поджала пальцы в расшитых золотыми нитями туфлях и снова расправила плечи. Затем возобновила путь, не сказав ни слова.

Сопровождавшие ее стражники еще раз переглянулись.

Когда процессия достигла массивных двустворчатых дверей, ведущих в тронный зал, сердце Шахразады заколотилось вдвое быстрее, чем обычно. Она сосредоточилась на своей цели, стараясь не обращать внимания на протяжный и зловещий скрип петель.

На противоположной стороне обширного помещения стоял Халид ибн аль-Рашид, халиф Хорасана.

Царь из царей.

Чудовище из кошмаров Шахразады.

С каждым шагом она ощущала все возраставшую ненависть вкупе с кристальной ясностью поставленной цели и не сводила прямого взгляда с врага. Горделивая осанка сильно выделяла халифа среди его свиты. По мере приближения к нему стали заметны и другие детали.

Высокая и подтянутая фигура Халида ибн аль-Рашида выдавала в нем воина. Прямые темные пряди были уложены волосок к волоску, намекая на любовь к порядку даже в мелочах.

Шагнув на возвышение, Шахразада встретила взглядом с повелителем, отказываясь опускать глаза и проявлять покорность.

Его брови слегка приподнялись, перестав затенять светло-карие глаза, которые в ярком свете блеснули янтарем, словно у тигра. Резкие черты лица привлекли бы внимание любого художника.

Халиф застыл на месте, рассматривая девушку не менее пристально, чем она его.

Его лицо ранило, взгляд пронзал насквозь.

Медленно Халид ибн аль-Рашид протянул руку. Шахразада уже собиралась принять предложенную ладонь, но вспомнила, что следует поклониться.

Ярость кипела, грозя вырваться на поверхность и окрашивая щеки девушки румянцем.

Она снова встретилась взглядом с халифом, и тот моргнул, после чего коротко кивнул.

– Жена.

– Мой повелитель.

«Не обольщайся. Я переживу эту ночь и встречу завтрашний закат, – поклялась себе Шахразада. – И еще столько закатов, сколько потребуется. Чтобы убить тебя».

Единственная

Сокол парил в выцветших полуденных небесах, ловя потоки воздуха и вглядываясь в заросли. При малейшем признаке движения хищная птица складывала крылья и сизо-серой молнией падала на добычу, выставив лапы с острыми когтями.

Вскрикивающая, покрытая шерстью жертва не имела ни малейшего шанса ускользнуть.

Вскоре послышался приближавшийся стук копыт. Взметнув клубы песка, двое всадников остановились на почтительном расстоянии от сокола и его добычи.

Первый из мужчин, сидящий верхом на лоснящемся темно-гнедом арабском жеребце породы Аль-Хамса, отвернулся от солнца, вытянул левую руку и тихо свистнул.

Сокол вскинул голову, прислушиваясь, и снова взмыл в небо, подлетел и опустился на руку наездника, крепко впиваясь когтями в мангалу[4 - Значения выделенных курсивом слов указаны в разделе «Глоссарий».] – кожаную манжету, закрывающую его предплечье от запястья до локтя.

– Будь ты проклята, Зорайя. Снова заставила меня проиграть пари, – проворчал второй всадник, обращаясь к птице.

Ее владелец ухмыльнулся Рахиму, лучшему другу с самого детства, и заявил:

– Хватит жаловаться. Сам виноват, что никак не можешь усвоить единственный урок.

– Тебе повезло, что я такой глупец, Тарик. Никто иной не сумел бы выносить твою компанию так долго.

– В таком случае, – рассмеялся собеседник, – пожалуй, следует перестать обманывать твою матушку, уверяя ее, что ты являешься светочем премудрости.

– Конечно. Твоей-то я никогда и не пытался солгать.

– Неблагодарный. Отправляйся и подними добычу Зорайи.

– Я что, слуга? Сам этим занимайся.

– Хорошо, тогда поддержи пока ее, – сказал Тарик и вытянул предплечье с соколом, терпеливо ожидающим на привычном насесте.

Как только Зорайя поняла, что хозяин пытается передать ее, то встопорщила перья и протестующе заклекотала.

– Эта богомерзкая птица ненавидит меня, – воскликнул Рахим и отпрянул.

- Потому что прекрасно разбирается в людях, - улыбнулся Тарик.

- А еще обладает характером склочной старухи, - проворчал его друг. - Клянусь, твоя Зорайя даже хуже, чем Шази.

- Еще одна девчонка с прекрасным вкусом.

- Подобная оценка льстит твоему самолюбию, тебе так не кажется? - покачал головой Рахим. - Учитывая, что им обеим нравишься именно ты.

- Подобные сравнения, скорее всего, и служат причиной того, что Шахразада аль-Хайзуран тебя недолюбливает. Уверяю, они с Зорайей имеют гораздо больше общего, чем моя скромная персона. А теперь прекрати тратить время, слезай со своей чалой и отправляйся за добычей, чтобы поскорее отправиться домой.

Не прекращая ворчать, Рахим спешил и потрепал свою лошадь ахалтекинской породы по шее. Серая шкура блестела на пустынном солнце, как отполированное олово.

Тарик обвел взглядом раскинувшиеся до самого горизонта пески. Пейзаж изредка разбавляли скудные сухие кусты. От этого океана всех оттенков коричневого исходили волны жара, отчего по небу с облаками бежала голубая и белая рябь.

Надежно упрятав добычу Зорайи в кожаную седельную суму, Рахим взлетел в седло со сноровкой молодого вельможи, которого с детства обучали подобному мастерству, и протянул:

- Что же касается пари...

- Нет, только не это, - простонал Тарик, заметив решительное выражение на лице друга.

- Потому что знаешь, что проиграешь?

- Ты лучший наездник, чем я.

– Зато у тебя скакун выносливый. И отец эмир. А еще я уже один раз проспорил сегодня. Дай мне шанс сравнять счет, – настаивал Рахим.

– И долго ты планируешь продолжать эту игру?

– Пока не одолею тебя. Во всем.

– Тогда состязание затянется навечно, – поддразнил Тарик.

– Негодяй, – едва сдерживая ухмылку, бросил Рахим и натянул поводья. – Из-за такого оскорбления я готов забыть о честной борьбе. – С этими словами он пришпорил кобылу и поскакал в противоположном направлении.

– Покажем этому глупцу, – рассмеялся Тарик.

Он подкинул птицу в воздух, прижался к шее жеребца и щелкнул языком, натягивая поводья. Арабский скакун встряхнул гривой, фыркнул и встал на дыбы, прежде чем стремительно броситься в погоню. Из-под копыт вихрем взметнулся столб песка и пыли.

Белая накидка-рида Тарика развевалась, грозя улететь, несмотря на кожаную налобную ленту, крепившую капюшон к голове.

Преодолев последнюю дюну, всадники помчались к окруженной стеной крепости из сырцового кирпича, чьи башни высоко вздымались над песком. Медные купола уже покрылись зеленовато-голубой патиной[5 - Пати́на, или пати́на - пленка или налет на меди и ее сплавах.] от времени.

– Сын эмира скачет! – выкрикнул один из сторожевых, завидев Рахима и Тарика, которые стремительно приближались к боковым воротам.

Створки едва успели распахнуться, скрипя железными петлями, как оба всадника пронеслись внутрь. Слуги и мастеровые разбежались с их пути. Наземь полетела корзина с хурмой, и все содержимое рассыпалось в разные стороны. Пожилой мужчина выругался вслед юнцам и с трудом наклонился, чтобы подобрать своевольные оранжевые плоды.

Не заметив устроенного погрома, молодые вельможи остановили лошадей в центре большой площади.

– И каково это – проиграть глупцу? – издевательски поинтересовался Рахим, его темно-голубые глаза победно сверкали.

Тарик улыбнулся уголком губ, спрыгнул с седла и сбросил за спину капюшон риды. Затем провел рукой по непокорной волнистой шевелюре. Из спутанных прядей ему на лицо посыпался песок, заставив юношу заморгать, отражая внезапное нападение пустыни.

За его спиной раздался ехидный смех Рахима.

Тарик наконец разглядел перед собой служанку, которая поспешно отвела глаза и покраснела. Поднос в ее руках задрожал, и стоявшие на нем серебряные стаканы с водой зазвенели.

– Благодарю, – улыбнулся сын эмира, беря один из них.

Румянец служанки стал еще гуще, а дребезжание усилилось.

Рахим подошел ближе, забрал оставшийся стакан и кивнул девушке, которая тут же развернулась и бросилась прочь со всех ног.

– Вот ты увалень, – упрекнул друга Тарик, толкая его плечом.

– Полагаю, бедняжка немного влюблена в тебя. Так что тебе следует возблагодарить судьбу за сей щедрый дар после демонстрации такой бездарной верховой езды.

Проигнорировав выпад Рахима, Тарик обернулся, разглядывая площадь. Справа от себя он заметил пожилого слугу, который собирал рассыпанную хурму, и устремился к нему на помощь. Встав на одно колено, юноша принялся складывать оранжевые плоды в корзину.

– Спасибо, сагиб, – с поклоном поблагодарил мужчину, прикасаясь кончиками пальцев правой руки ко лбу жестом почтения.

Взгляд Тарика смягчился. В тени серебристая радужка казалась особенно выразительной: светлый оттенок возле зрачка постепенно переходил в пепельно-серый по краям. А длинные угольно-черные ресницы еще больше подчеркивали необычные глаза. Широкий лоб придавал юноше суровый вид, но впечатление смягчала улыбка, редко сходявшая с губ. Дневная щетина затемняла квадратную челюсть, привлекая внимание к изящным и симметричным чертам лица.

Тарик кивнул пожилому мужчине, в свою очередь используя уважительный жест.

Над их головами Зорайя оглашала небеса пронзительными криками, требуя немедленного внимания. Ее хозяин покачал головой с притворным неодобрением и громко свистнул. Птица тут же устремилась вниз с диким клекотом, который распугал оставшихся на площади людей, опустилась на мангалу протянутой руки Тарика и принялась чистить перья, пока тот нес своевольную питомицу в клетку, чтобы покормить.

– Ты не находишь, что Зорайя немного... избалована? – поинтересовался Рахим, наблюдая, как сокол молниеносно расправляется с целой полоской сушеного мяса.

– Она лучшая охотничья птица во всем халифате.

– Как по мне, так этой треклятой твари простят даже убийство. Ты этого дожидаясь?

До того как Тарик успел возразить, в арочном проеме ближайшего здания появился советник отца.

– Сагиб? Эмир желает видеть своего сына.

– Что-то случилось? – нахмурился юноша.

– Из Рея недавно прибыл гонец.

– И все? – хмыкнул Рахим. – Вряд ли очередное письмо от Шази достойно послужить причиной для столь официального приглашения.

Тарик внимательно взгляделся в лицо советника, отмечая глубокие морщины на лбу и нервно стиснутые пальцы.

– Так что произошло?

– Заклинаю, сагиб, пройдемте со мной, – уклончиво отозвался собеседник.

Рахим последовал за другом через украшенный мраморными колоннами вестибюль мимо галереи с фонтаном, выложенным мозаичной плиткой. Искрящиеся струи воды падали из пасти льва, выполненного из позолоченной бронзы.

Наконец все трое очутились в главном зале. Назир аль-Зийяд, эмир четвертой по значимости и богатству крепости Хорасана, сидел вместе с женой за низким столиком. Яства стояли перед ними нетронутыми.

– Отец, в чем дело? – спросил Тарик, резко останавливаясь при виде заплаканной матери.

– Сын, сегодня мы получили послание из Рея, – вздохнул эмир, поднимая глаза на вошедших. – От Шахразеды.

– Позволь прочесть, – просьба прозвучала тихо, но твердо.

– Оно было адресовано мне. Присутствует отрывок и для тебя, однако...

– Как такое могло произойти? – мать Тарика снова залилась слезами.

– Что? Что произошло? – настойчиво спросил юноша и потребовал, повысив голос: – Отдай мне письмо.

– Слишком поздно. Ничего уже нельзя поправить, – снова вздохнул эмир.

– Сначала Шива. Потом моя бедная сестра, обезумев от горя, покончила... – всхлипнула мать, ее плечи вздрагивали. – А теперь и Шахразада... Как такое могло произойти? Почему?

Тарик окаменел.

– Ты сама понимаешь почему, – хрипло произнес эмир. – Она поступила так именно из-за Шивы. Ради Шивы. Ради нас всех.

После слов мужа мать Тарика поднялась и убежала. С каждым шагом ее рыдания становились все громче.

– О Шази, что же ты натворила? – прошептал Рахим.

Тарик так и стоял без движения, с застывшим, непроницаемым выражением лица.

– Сын, ты... – начал было эмир, направляясь к нему.

– Отдай мне письмо, – повторил юноша.

Назир аль-Зийяд сдался и неохотно протянул ему свиток.

Знакомый почерк Шахразады бежал по странице, такой же властный, резкий и с сильным нажимом, как обычно. Тарик прекратил читать, когда добрался до предназначенного ему отрывка с извинениями. Со словами сожаления о совершенном предательстве. С благодарностями за понимание.

Довольно. Это было невыносимо. Только не от нее.

Тарик скомкал свиток в кулаке.

– Ничего нельзя исправить, – вновь попытался воззвать к сыну эмир. – Свадьба состоится сегодня. Если Шахразада исполнит задуманное... Если она...

– Замолчи, отец. Молю тебя.

– Ты должен это услышать. Истина должна прозвучать, как бы тяжела она ни была. Чтобы пережить это вместе, всей семьей. Твои тетя и дядя так и не сумели справиться с потерей Шивы. И посмотри, какая судьба их постигла.

Тарик закрыл глаза, отец же продолжал:

– Даже если Шахразада останется в живых, мы ничем неспособны ей помочь. Все уже случилось. Остается лишь принять ее решение и смириться с неизбежным. Мне известны твои чувства по отношению к ней. Понимаю, что потребуется время, прежде чем ты осознаешь: счастье возможно обрести и с другой. В мире еще немало юных прекрасных дев.

– Я уже все осознал.

– Что ты имеешь в виду? – с удивлением воззрился на сына эмир.

– Я понял твои намерения. Теперь тебе следует понять мои. В мире, вне всякого сомнения, достаточно прекрасных юных дев. И я действительно способен обрести толику счастья с кем-то из них. Полагаю, все возможно со временем.

– Рад видеть подобную прозорливость, – кивнул эмир. – Иногда худшее оборачивается великим благом, сын.

Рахим потрясенно уставился на мужчину, не заметив, как вспыхнули серебристые глаза друга.

– Пойми и еще вот что, – продолжил Тарик, – мне нет дела до всех прекрасных юных дев. Не существует другой, похожей на Шахразаду. Она – единственная в своем роде.

С этими словами он отшвырнул смятое послание на пол, развернулся и резко толкнул створки двери.

Рахим обменялся с эмиром взглядами и последовал за другом. Они тем же путем вернулись на площадь. Тарик взмахнул рукой, веля привести лошадей. Оба юноши молчали, пока скакуны не оказались рядом.

- Каков план? – наконец нарушил тишину Рахим. – У тебя он хотя бы есть?

- Ты не обязан ехать со мной, – после короткой паузы отозвался Тарик.

- И кто из нас теперь глупец? Думаешь, только тебе дорога Шази? И была дорога Шива? Я тоже считаю их семьей, хоть и не прихожусь им родней по крови.

- Спасибо, Рахим-джан, – кивнул Тарик, оборачиваясь к высокому, долговязому другу.

- Не торопись благодарить, – улыбнулся тот. – Нам все еще требуется план. Скажи, что ты собираешься предпринять? – После секундной заминки он добавил: – Что-то вообще можно предпринять?

- Покуда правитель Хорасана дышит, всегда можно кое-что предпринять, – заявил Тарик. На его челюсти заходили желваки, а левая рука потянулась к изящной сабле на бедре. – То, что мне удастся лучше всего.

Разделяющая завеса

Шахразада сидела на постели в пустых покоях. По покрывалу были разбросаны подушки из яркой цветной материи. Вокруг кровати висела тонкая, как паутинка, завеса, которая лениво колыбалась от малейшего движения или ветерка.

Девушка прижимала колени к груди, сцепив пальцы в замок на лодыжках. Светло-карие глаза неотрывно следили за дверями.

В этой позе она просидела почти всю ночь. Каждый раз, как Шахразада пыталась сдвинуться с места, эмоции грозили захлестнуть ее с головой.

«Где же он?»

Шахразада громко выдохнула и еще сильнее сцепила дрожавшие пальцы.

В последний час перед рассветом паника все нарастала, заставляя сердце колотиться, будто молот по наковальне.

От мысли, что халиф может и вовсе не явиться, девушка похолодела. Тогда она нарушит клятву.

Шахразада упрямо тряхнула головой, отгоняя ужас. Кровь оглушительно стучала в ушах, каждый новый вздох давался с трудом.

Кошмарные видения приближавшейся смерти стояли перед глазами, сокрушая решимость и повергая в пучины страха. Страх, который до сей поры удавалось сдерживать.

Перед мысленным взором промелькнули образы отца, Ирсы. Тарика. Что станет с ними после ее гибели?

- Хватит! - воскликнула она.

Слова разнеслись по комнате, эхом отзываясь в зияющей тьме. Пусть желание было и глупым, но Шахразаде хотелось хоть на секунду чем-то – чем угодно – заполнить мучительную тишину. Чтобы отогнать страх, снова запереть его в самых отдаленных, наглухо запертых уголках души.

С тихим скрипом дверные створки отворились.

Шахразада разжала руки и вцепилась в мягкие подушки.

Вошла служанка, неся тонкие свечи, которые наполнили помещение мягким светом и нежными ароматами пачулей и агарового дерева. Спустя минуту появилась вторая девушка с подносом, уставленным яствами и вином. Она все расставила, после чего обе служанки растворились, ни разу не посмотрев на Шахразаду.

Через пару мгновений на пороге возник халиф Хорасана. Он застыл, словно задумался о чем-то, но все же вошел и прикрыл за собой двери.

В неярком мерцании свечей взгляд его тигриных глаз казался еще более отстраненным и оценивающим. Халид ибн аль-Рашид повернул голову. Упавшие тени еще сильнее заострили и без того резкие черты его лица. Придали им вид непоколебимого спокойствия. Холодного и угрожающего.

Шахразада сцепила пальцы, чтобы они не дрожали.

- До моего сведения дошло, что твой отец служил при дворе моего визирем. - Тихий голос халифа звучал спокойно. Почти... по-доброму. - Это правда?

- Да, сеид. Правда, мой повелитель. Он являлся одним из советников.

- А сейчас трудится в качестве хранителя.

- Да, сеид. В секции древних текстов.

- Довольно серьезная перемена должности, - прокомментировал халиф, поворачиваясь лицом к собеседнице.

- Пожалуй, - отозвалась та, стараясь скрыть раздражение. - Хотя его положение при дворе не было слишком выдающимся. Один из младших визирей.

- Понимаю.

«Ничего ты не понимаешь!» - со злостью подумала Шахразада, не отводя взгляда и молясь про себя, чтобы ее глаза не выдали проносящихся за ними размышлений.

- Почему ты вызвалась стать моей женой? - поинтересовался халиф, а не получив ответа, добавил уже настойчивее: - Что побудило тебя совершить такой глупый поступок, Шахразада аль-Хайзуран?

- Прошу прощения?

- Не исключаю, что тебя привлек статус жены халифа. Либо же тщеславная надежда стать той единственной, кто завоюет сердце кровожадного монстра, - произнес он бесстрастно, не сводя с девушки пристального взгляда.

– Я не тешу себя подобными иллюзиями, сеид, – отозвалась та, стараясь подавить воинственные нотки в голосе и успокоить бешено бившееся сердце.

– Так каковы же твои мотивы? Какая причина оказалась достаточно весомой, чтобы добровольно расстаться с жизнью в семнадцать лет?

– Мне шестнадцать, – поправила Шахразада, бросив на собеседника косой взгляд. – И не представляю, какое значение имеют мои мотивы.

– Отвечай мне.

– Нет.

Халиф многозначительно помолчал.

– Ты понимаешь, что подобный отказ может привести к немедленной смерти?

– Не удивлюсь, если так и будет, мой господин, – произнесла Шахразада, до боли сжимая пальцы. – Но моя казнь не приблизит получение желанных ответов.

На лице халифа промелькнула искра интереса, на секунду уголки губ приподнялись. Но выражение исчезло так быстро, что нельзя было сказать наверняка, не почудилось ли оно.

– Полагаю, так и есть, – согласился он и снова застыл, очевидно, размышляя о чем-то.

Затем начал отходить. Резкие черты лица скрыла завеса.

«Нет».

Шахразада поднялась с постели и сделала шаг к халифу. Тот обернулся.

– Я же все объяснил. Не считай, что станешь единственной, кто нарушит заведенный порядок.

– А я ответила, что не питаю иллюзий, – сквозь зубы отозвалась девушка, без колебаний подходя еще ближе, пока не оказалась на расстоянии вытянутой руки от собеседника.

– Твоя жизнь уже и без того окончена, – тихо сказал тот, впиваясь взглядом в лицо Шахразады. – Я не ожидаю чего-то... сверх того.

Вместо ответа она подняла руки и принялась расстегивать драгоценное ожерелье, по-прежнему висящее на шее.

– Не надо, – произнес халиф, перехватив ее запястье. – Оставь.

После секундного колебания он положил ладонь на затылок Шахразады.

От этого тревожно знакомого прикосновения по ее телу прокатилась волна отвращения, которую девушка постаралась подавить. Как и желание нанести удар по врагу, вложив всю боль и отчаяние.

«Не глупи. У тебя всего одна попытка, – одернула себя Шахразада. – Не стоит тратить ее понапрасну».

Этот халиф-юнец, этот убийца... Она не позволит ему разрушить еще одну семью. Не позволит лишить еще кого-то лучшей подруги – и целой жизни, наполненной воспоминаниями о том, что было и чего никогда уже не будет.

Шахразада вздернула подбородок и проглотила подступавшую дурноту. На языке остался горький привкус.

– Зачем ты явилась? – прошептал халиф.

В тигриных глазах застыл вопрос.

Вместо ответа Шахразада язвительно улыбнулась. И дотронулась до руки юноши. Очень осторожно. Затем подняла тяжелую мантию с плеч и позволила ей соскользнуть на пол.

* * *

Ирса сидела верхом на серой в яблоках кобыле. Переулок вел к зданию, где содержались самые древние и непонятные тексты во всем Рее. Городская библиотека когда-то считалась величественным сооружением: фасад украшали колонны, на изящную кладку пошли отшлифованные камни из лучших карьеров Тира. Однако за годы поверхность здания потемнела и покрылась трещинами. На самых глубоких виднелись следы неаккуратного ремонта. Все доступные взгляду элементы архитектуры теперь обветшали и изнашивались, а великолепие и блеск минувших дней выцвели, приобретая оттенки серого и коричневого.

Когда лошади в упряжке начали нетерпеливо переминаться с ноги на ногу, нарушив плотную предрассветную тишину, Ирса виновато оглянулась через плечо и уже открыла рот, чтобы извиниться перед совсем юным возничим, но побоялась не справиться с голосом и откашлялась, прежде чем говорить.

– Прости, – прошептала она мальчику. – Не знаю, почему отец так задержался. Уверена, что он скоро вернется.

– Не беспокойтесь обо мне, госпожа. Я получаю достойную оплату. Но если вы желаете выбраться за пределы города до восхода, то нужно с минуты на минуту выезжать.

Ирса кивнула и поерзала в седле, отчего ее кобыла начала прядать ушами. Слова возницы всколыхнули неприятные мысли. Сердце болезненно сжалось.

Совсем скоро придется покинуть город, в котором прошло все детство. Город, в котором Ирса провела четырнадцать лет. Она погрузила в крытую повозку все самое ценное, едва замечая, что берет. Под покровом ночи они приехали к библиотеке.

Жизнь больше никогда не будет прежней.

Как ни странно, ничто больше не имело значения для Ирсы. Во всяком случае, пока.

Единственное, о чем она могла думать – и из-за чего сжималось сердце, а в горле стоял ком, – это Шахразада.

Невыносимая и упрямая старшая сестра.

Отважная и преданная подруга.

Несмотря на принятое решение больше не плакать, на глаза снова навернулись слезы. Ирса раздраженно вытерла и без того покрасневшие щеки тыльной стороной ладони.

– Что-то случилось, госпожа? – спросил возница сочувственным тоном.

Конечно же, что-то случилось. Но Шахразада особенно подчеркивала, что необходимо скрывать намерения от посторонних. Поэтому придется солгать.

– Нет, все в порядке. Не стоит беспокойства.

Мальчик кивнул и снова принял безразличную позу.

Ирса усилием воли переключилась на мысли о предстоящем путешествии. Дорога до Талекана, крепости семьи Тарика, займет, по меньшей мере, три дня. Девушка с легким недоумением покачала головой: после всего произошедшего только у Шахразеды хватило бы дерзости отправить их к своему прежнему нареченному. Каждый раз, как Ирса находила время задуматься о Тарике и его семье, ее полудетские черты искажались от волнения...

И сожаления.

Она подавила тяжелый вздох и уставилась на поводья. Кобыла потрянула гривой, когда порыв ветра пронесся по переулку.

– Почему отец так задерживается? – произнесла Ирса в пустоту.

Словно по сигналу, деревянная дверь бокового входа в библиотеку приотворилась, и укутанная в плащ фигура отца возникла в ночной тьме.

Он что-то держал в руках, прижимая к груди.

- Баба, с тобой все в порядке?

- Прости, дорогая, все хорошо. Теперь можно ехать, - пробормотал Джахандар. - Просто... Хотел убедиться, что все двери заперты.

- А что у тебя там? - поинтересовалась Ирса?

- Хм-м? - переспросил Джахандар, подходя к лошади и открывая седельную суму, чтобы убрать загадочный сверток.

- Что у тебя в руках?

- Ничего, так, всего лишь один из особенно дорогих мне фолиантов, - отмахнулся отец.

- Мы что, проделали такой путь ради книги?

- Не мог уехать без нее, дитя мое.

- Должно быть, этот фолиант был действительно особенным.

- Все они по-своему особенные, дорогая.

- И что это за книга?

Джахандар с превеликой осторожностью убрал древний, обтянутый кожей томик в седельную суму и, уже не заботясь об аккуратности, запрыгнул на лошадь. Затем сделал знак вознице трогаться.

Их маленькая процессия направилась к воротам, ведущим из города, по все еще сонным улочкам Рея.

Ирса подъехала как можно ближе к отцу и взяла его за руку в надежде обрести такую же поддержку, которую предлагала сама. Джахандар с печальной

улыбкой посмотрел на дочь.

– Все будет хорошо, моя драгоценная девочка, – сказал он рассеянно.

Ирса кивнула, отметив про себя, что отец так и не ответил на ее вопрос.

Гора из адаманта

Как только Шахразада дотронулась до халифа, то ощутила холодное безразличие, словно она покинула собственное тело и теперь парила вовне, став простым наблюдателем всего происходившего.

К счастью, халиф не пытался ее поцеловать.

Да и боль продлилась всего мгновение и тут же растворилась в блаженном забытии отстраненных мыслей. Похоже, царь из царей тоже не получил особого удовольствия. Если он и испытал наслаждение, то лишь на миг. От этого осознания Шахразада почувствовала мстительную радость.

Когда все закончилось, халиф молча поднялся с кровати, откинул в сторону легкую завесу и принялся одеваться с военной четкостью. На обнаженной спине блестели бисеринки пота. Рельефные мышцы перекачивались под кожей от каждого движения.

Вне всяких сомнений, Халид ибн аль-Рашид был сильнее Шахразады. Ей ни за что не удалось бы одержать верх лишь за счет физических данных.

К счастью, она явилась не сражаться. Она пришла, чтобы победить.

Девушка села, взяла со стула великолепную шамлу, продела руки в глянцеvито поблескивавшую парчовую ткань и затянула серебристые завязки. Затем встала и приблизилась к халифу. Искусно вышитый подол накидки закручивался при каждом движении вокруг тела, словно дервиш в танце на праздник самы.

Халид ибн аль-Рашид направился к низенькому столику с угощениями, окруженному роскошными валиками и мягкими подушками всех оттенков радуги, налил себе вина и погрузился в раздумья, стоя рядом. Шахразада приблизилась, удобно устроилась на пуфах и принялась разглядывать яства.

Поднос ломился от фисташек, инжира, миндаля, винограда, небольших огурчиков и разнообразной зелени. В корзинке лежали завернутые в полотняную ткань плоские лепешки лаваша. Рядом стояла плошка айвового соуса.

Прикладывая все усилия, чтобы выглядеть такой же отстраненной и безразличной, Шахразада отщипнула кисть винограда и принялась за трапезу. Халиф несколько мучительно долгих секунд разглядывал девушку, после чего опустился на подушки. Потягивая вино, он наблюдал, как она макает кусочки хлеба в сладкий соус.

Когда молчание стало невыносимым, Шахразада выгнула бровь и поинтересовалась:

- Вы не собираетесь отведать угощение, мой повелитель?

Халиф не ответил. Он лишь глубоко вдохнул, задумчиво прищулив тигриные глаза.

- Соус, кстати, наивкуснейший, - бесцеремонно заявила Шахразада.

- Разве тебе не страшно? - так тихо спросил собеседник, что она едва расслышала слова.

- Мой повелитель желает, чтобы я была напугана? - уточнила девушка.

- Нет, я желаю, чтобы ты была честна со мной.

- Каким образом повелитель планирует определить, говорю я правду либо же лгу? - улыбнулась она.

- Ты не слишком талантливая обманщица, а лишь считаешь себя таковой, - ответил халиф, наклоняясь, чтобы взять горсть миндаля с подноса.

– Тогда осмелюсь сообщить, что вы не так уж хорошо разбираетесь в людях. – Улыбка Шахразады стала еще шире. Еще опаснее. – Только считаете себя таковым.

– Что ты задумала? – снова слова прозвучали так тихо, что их едва можно было разобрать.

– Я погибну с первыми лучами солнца, – констатировала она, стряхивая крошки, чтобы выиграть время и продумать следующую уловку. – Все верно? – Халиф кивнул. – И мой господин желает узнать, почему я обрекла себя на подобную участь? Что ж, я готова ответить в том случае...

– Нет. Не собираюсь играть в эти игры. Знай, я ненавижу, когда мной манипулируют.

– Возможно, стоило бы не презирать игру, а проявить терпение, необходимое для выигрыша? – отозвалась Шахразада, пытаясь подавить гнев, вызванный натянутыми нервами.

Она затаила дыхание, заметив, как застыл собеседник. На одну томительную секунду костяшки на стиснутых кулаках побелели, после чего он снова расслабился.

В эти мгновения вихрь эмоций в душе Шахразады едва позволял ей связно мыслить.

– Отважные речи для той, кому остались считанные часы до гибели, – ледяным тоном произнес халиф.

– Так господину интересно услышать правила игры или нет? – садясь прямо, спросила девушка, после чего перекинула темный водопад волос на одно плечо. Не получив ответа, она решила продолжать. – Я готова раскрыть свою тайну. Но перед тем хотела бы попросить исполнить одно крошечное желание... – Она замолчала, сжав руки в замок, чтобы скрыть дрожь.

– Ты пытаешься выторговать свою жизнь в обмен на столь незначительный ответ? – лицо халифа потемнело, в глазах промелькнул отстраненный интерес.

– Моя судьба уже предрешена, – безрадостно рассмеялась Шахразада. – Мой господин объяснил это предельно ясно. Не пора ли перейти от бесплодных обсуждений этого вопроса к более насущным делам.

– Как будет угодно.

– Я хочу поведать историю, – произнесла она ровно, взяв себя в руки.

– Что? – удивленно переспросил халиф, и на его лице впервые отразились отчетливые эмоции.

«Не ожидал? – злорадно подумала Шахразада. – Будь уверен, это не последний сюрприз, Халид ибн аль-Рашид».

– Хочу рассказать сказку, – пояснила она. – А как прекращу дозволенные речи, так отвечу на вопрос, заинтересовавший моего господина.

В ожидании реакции халифа Шахразада затаила дыхание.

– Сказку, значит?

– Да. Приемлемы ли мои условия?

– Да будет так, – наконец кивнул собеседник, с непроницаемым выражением лица откидываясь на подушки. – Можешь начинать. – Последние слова он произнес с вызовом.

«И я принимаю его, ты, отвратительное чудовище. С превеликим удовольствием».

– Эта история о бедном мореходе Агибе, который потерял все, что имел, но взамен познал глубины собственной души.

– Назидательная сказка? Значит, хочешь преподать мне урок?

– Нет, всего лишь желание развеять печаль моего господина. Хороший рассказчик умеет увлечь слушателей всего одной фразой.

– Тогда ты уже не преуспела.

– Только потому, что драгоценный повелитель заранее настроен скептически. И не позволяет закончить историю. Так уж вышло, что Агиб промышлял воровством. И был лучшим вором в Багдаде. Он мог украсть золотой динар прямо с ладони владельца, обчистить карманы любого путника и раствориться до того, как пропажу заметят.

– Хм, – халиф что-то хотел сказать, но передумал, лишь задумчиво склонил голову набок.

– Однако Агиб становился все более и более самоуверенным, а его проделки – все более и более дерзкими. Пока однажды его не уличили в краже у состоятельного эмира, заставив спасаться бегством. Едва унеся ноги, наш вор бродил по улочкам Багдада в поисках укрытия и вышел в порт, где увидел готовый к отплытию корабль. Капитан обшаривал пристань в поисках последнего члена экипажа взамен заболевшего. В полной уверенности, что охранники эмира обнаружат его, если остаться в городе, Агиб вызвался отправиться в путешествие.

– Уже лучше, – прокомментировал халиф с намеком на улыбку.

– Рада угодить моему повелителю. Дозволено ли мне продолжить? – многозначительно ухмыльнулась Шахразада, борясь с желанием выплеснуть в лицо высокомерному негодяю остатки его вина.

Он кивнул.

– Первые несколько дней на борту корабля дались Агибу с большим трудом, поскольку не имел он опыта в мореплавании, а потому страдал от дурноты. Другие члены экипажа открыто насмеялись над новичком и поручали ему самую что ни на есть грязную работу, считая бесполезным. Положение лучшего вора Багдада не могло ничем помочь: украденное у товарищей по кораблю негде было бы спрятать.

– Безвыходная ситуация, – усмехнулся халиф.

Не обратив внимания на его язвительный комментарий, Шахразада продолжила:

– Спустя неделю на море разразился ужасный шторм. Корабль бросало по громадным волнам хрупкой скорлупкой, и вскоре он сбил с курса. Увы, это было отнюдь не единственное несчастье, постигшее путешественников. Через два дня воды наконец успокоились, однако капитан пропал. Море поглотило его и навеки похоронило в соленой пучине.

Шахразада прервалась, чтобы выбрать гроздь винограда и украдкой бросить взгляд за плечо халифа на резные решетки, ведущие на балкон. За ними пока простиралась темная пелена ночи.

– Команда начала волноваться. Они оказались в неизвестных водах без малейшей надежды вернуть корабль на прежний курс. Разгорелся спор, кто из мореходов должен принять звание капитана. В борьбе за власть они не заметили появления на горизонте края суши. Агиб был первым, кто указал на небольшой остров, в середине которого высилась гора. Поначалу команда возликовала при виде земли. Однако вскоре старейший из мореходов обронил одну фразу, и пламя паники разгорелось вновь.

– И что же это была за фраза? – поинтересовался халиф, который внимательно слушал историю, не отрывая взгляда от Шахразады.

– Он сказал: «Мы погибли – это гора из адаманта». Заслышав эти слова, команда испустила дружный стон. Агиб принялся выпрашивать товарищей, отчего все пришли в такое уныние. Что могло испугать опытных мореходов? Ему объяснили, что гора из адаманта содержала в недрах злые силы, которые притягивали железные детали обшивки судов. Стоило кораблю оказаться в пределах досягаемости острова, как гибель становилась неминуемой: мощь недоброй горы была такова, что из дерева выскакивали гвозди, топя несчастное судно. Незадачливых мореходов же ждала водная могила.

– Вместо того чтобы тратить время на сетования, команде следовало отплыть как можно дальше от острова, – сухо сказал халиф.

– Именно это и предложил Агиб товарищам. Все тут же схватились за весла и принялись грести в противоположную сторону от злокозненной горы. Но было уже слишком поздно. К тому моменту черная громадина уже нависала над кораблем, который оказался в полной власти темных сил. Несмотря на все старания команды, судно подплывало к горе все ближе и ближе, все быстрее и быстрее. Тень упала на палубу, и вскоре послышались ужасные стоны и скрежет: обшивка начала трястись и вздрагивать, будто на нос корабля навалился невообразимый груз. Мореходы в ужасе наблюдали, как гвозди вырывались из досок. Постепенно судно стало разваливаться, обрушиваясь внутрь, точно под ступней невидимого великана. Агиб присоединил свой голос к стенаниям и скорбным воплям товарищей по команде. Очень скоро они оказались в воде. Каждый заботился о спасении собственной жизни.

Шахразада подняла бокал и потянулась к бутылке, едва успев скрыть удивление, когда халиф молча налил вино сам.

За его спиной сквозь резные отверстия декоративной решетки уже начал просачиваться неяркий свет.

– Агиб сумел забраться на обломок корабля – последний из оставшихся целыми. В воцарившемся хаосе бывший вор заметил железный горшок, который уже скользил по направлению к горе, и вцепился в него из последних сил. Тяжелая добыча опрокинула нашего героя в воду и повлекла за собой. Тот отчаянно боролся, чтобы держаться на поверхности, но постепенно тонул. В последний момент Агиб увидел среди тел гибнущих моряков обломок главной мачты и ухватился за него свободной рукой, не выпуская горшка.

– Быстро соображает, – похвалил халиф, чье суровое лицо озарилось пониманием. – Похоже, надеялся таким образом попасть на остров.

– Совершенно верно, – улыбнулась Шахразада и продолжила: – Спустя много часов сметливость Агиба все же привела его на сушу. Он брел по сияющему черному песку побережья, едва переставляя ноги от истощения и трясясь от страха, пока наконец не потерял сознание в тени огромной горы из адаманта. Очнулся же уже на заре и отправился на поиски еды и воды. Однако вскоре стало ясно, что остров действительно являлся местом смерти: вокруг не было ни единого намека на жизнь или источник. Агиб в отчаянии упал на кучу камней, осознав, что близкая гибель снова разверзла над ним пасть. И тут несколько булыжников скатились, открывая вид на старую и поцарапанную металлическую

чашу, застрявшую в трещине.

Шахразада и сама чувствовала, как подкрадывается отчаяние: слабый розовый свет становился все заметнее, просачиваясь сквозь резные отверстия декоративной решетки. Узоры на дереве оживали, превращались из неясных очертаний в четкий рисунок.

– Желая внимательнее рассмотреть облепленную песком и грязью находку, Агиб поплелся к морю, отчистил чашу, и увидел, что ее покрывают надписи на незнакомом языке. Капли воды искажали буквы, поэтому наш герой потерял металлический бок рукавом...

К этому моменту рассвет уже вступил в свои права. Лучи солнца проникали сквозь резные отверстия в решетке и падали на мраморный пол золотыми нитями утреннего полотна.

Сердце Шахразады билось так сильно, что грозило выпрыгнуть из груди.

– Чаша начала вибрировать, из ее глубин повалил дым цвета ясного полуденного неба. Клубы становились все гуще, пока не превратились в высокую воронку. Агиб в ужасе отбросил кубок и упал спиной вперед на черный берег острова. Столб дыма все уплотнялся и разрастался. В его центре постепенно образовалась неясная тень. – Заметив интерес халифа, который подался вперед, Шахразада добавила: – Эта тень приобрела четкость и... начала смеяться.

Она замолчала.

Рассвет наступил во всем своем ужасающем великолепии.

– В чем дело? – спросил халиф. – Почему ты прекратила рассказывать?

Шахразада выразительно посмотрела в направлении поднявшегося солнца. Он проследил за ее взглядом и сказал:

– Заверши свою историю.

– Боюсь, это невозможно, мой повелитель, – выдохнула девушка.

- Что?

- То было лишь начало сказки.

- Заверши свою историю, Шахразада, - велел халиф, сузив глаза так, что остались только охряные щелочки.

- Нет.

- Значит, именно это ты и планировала с самого начала? - спросил он, поднимаясь с подушек одним грациозным плавным движением.

- И что же я планировала?

- Уловку. Тактический маневр, чтобы предотвратить казнь. - Холодный тон халифа сулил опасность. Смерть. - Начать сказку, которую не собираешься довершать.

- О, я полна решимости досказать историю. Завтра вечером. Случится же это или нет - зависит от воли моего господина, - произнесла Шахразада, не отрывая взгляда от собеседника и сжимая кулаки под укрытием долгополой шамлы.

- Ты утверждала, что отдаешь себе отчет: твоя жизнь уже окончена. Я ясно дал это понять с самого начала.

Шахразада встала и выпрямилась, расправив плечи и вздернув миниатюрный подбородок. А когда заговорила, постаралась скопировать манеру речи халифа.

- Жизнь каждого человека так или иначе окончена, сеид, - тихо, но с опасными нотками в голосе произнесла она. - Вопрос лишь в том, когда это случится. И я бы не отказалась отсрочить гибель еще на один день.

Халиф воззрился на дерзкую жену. Резкие черты лица стали еще более зловещими теперь, когда на них отразился намек на гнев.

В дверь покоев постучали.

– Хотя бы на один день, – прошептала Шахразада.

Взгляд тигриных глаз смерил ее с головы до ног. Оценивая противницу, взвешивая варианты.

Прошла томительная минута, тянувшаяся целую вечность для затаившей дыхание девушки.

Но она ни за что не станет умолять этого жестокого тирана.

Послышался еще один тихий стук.

Шахразада шагнула к халифу, не сводя с него глаз. Тот отступил назад. Еще и еще. После чего развернулся и направился к дверям.

«Нет! Пожалуйста, остановись!» – хотелось крикнуть ей.

Халид ибн аль-Рашид, бездушный монстр, потянулся к ручке, но застыл, не оборачиваясь.

– Один, – выплюнул он слово, будто ругательство, и вышел за дверь.

Когда деревянные створки захлопнулись за халифом, Шахразада осела на пол и прижалась пылающей щекой к прохладному мрамору пола, не находя сил, даже чтобы разрыдаться.

Деспина и Воин

Поднос опустился на столик с громким стуком и звяканьем.

Этот звук разбудил Шахразаду. Она резко села, потирая веки, чтобы прогнать остатки сна. На ладонях остались разводы черной сурьмы и золотистого порошка.

– Такая малышка, а учинила такой переполох, – раздался мелодичный голос.

– Что? – переспросила Шахразада и постаралась сфокусировать зрение на его обладателе.

– Я сказала, удивительно, как такая малышка стала причиной такого переполоха, – повторила пышнотелая девушка, примерно ее ровесница.

Затем подошла к изножью кровати и отдернула легкую завесу.

У служанки были светлая кожа и густые волосы медового оттенка, заколотые в греческом стиле на голове. Блестящие голубые глаза, выдававшие уроженку Эгейских островов, были подведены сурьмой с немалым мастерством.

Идеальные губки, сложенные в изящную гримаску, были умело подкрашены кармином и воском. Белое льняное одеяние мягкими складками ниспадало по фигуре, подчеркивая достоинства и скрывая недостатки. Над локтем был застегнут широкий серебряный браслет.

Шахразада отогнала остатки дремотного состояния и напустила на себя вид оскорбленного достоинства.

– Я прекрасно расслышала тебя и в первый раз.

– Тогда зачем переспросили?

– Потому что не знала, кто ты такая и зачем грохочешь здесь ранним утром, разбрасываясь возмутительными заявлениями, – резко бросила Шахразада.

– Кажется, я начинаю понимать, откуда взялся такой переполох, – громко, хрипловато рассмеялась служанка. – Кстати, полдень уже миновал, так что вряд ли можно назвать это ранним утром. – Она подошла к декоративным резным решеткам и раздвинула их. На лицо Шахразады полились лучи дневного солнца, и она сощурилась от яркого света. – Я принесла поднос с едой. Давно пора подкрепиться. Во имя Геры, какая же вы маленькая.

– Не понимаю, какое значение имеет мой рост?

– Потому что заморенное голодом создание не может выжить в сражении, не говоря уже о том, чтобы победить. А я хочу, чтобы вы победили.

– Победила? – переспросила Шахразада с внезапной подозрительностью и подтянула колени к груди.

– Во имя Зевса, какая же вы странная. Да, моя госпожа, я хочу видеть, как вы одержите верх. То есть выживете. Мне не доставляет удовольствия наблюдать, как юных девушек казнят по прихоти нашего загадочного правителя. А вам?

Шахразада несколько секунд вглядывалась в лицо собеседницы, после чего опустила ноги на пол и поднялась с постели.

Следовало быть настороже.

– Нет, мне тоже это не доставляет удовольствия.

– Вы выше, чем казалось, – улыбнулась служанка. – Хотя все равно ужасно худая. Однако видала я и похуже фигуры. Все округлости на месте. Стоит лишь приодеть немного, и станете просто ослепительной красавицей.

– Прости, а ты вообще кто такая? – требовательно спросила Шахразада.

– Меня зовут Деспина. Я буду вашей личной служанкой... пока вы побеждаете.

– Мне не нужна служанка.

– Боюсь, решать не вам. – Улыбка девушки стала еще шире, а ярко-голубые глаза сверкнули, словно бросая вызов и призывая осадить ее за подобную дерзость.

– Значит, тебя отправили следить за мной? – задумчиво поинтересовалась Шахразада.

– Да, – сверкнула белыми зубами Деспина.

– И ты считаешь себя хорошим соглядатаем?

– Одним из лучших.

– Хорошие соглядатаи скрывают свою личность.

– А лучшим этого делать не требуется.

– А ты самонадеянная, – невольно улыбнулась Шахразада, услышав этот комментарий.

– Как и вы, моя госпожа. Но я не считаю это недостатком. Без толики самонадеянности никто бы не пытался совершить невозможное.

Шахразада подошла к Деспине. Та была на полголовы выше и излучала уверенность в себе, как и любой, кто нашел свое место в этом мире. Манера держаться, безупречно подчеркнутые достоинства внешности, изысканно подобранный наряд – все кричало о том, что с этой необычной служанкой следовало считаться.

Но сильнее всего приковывал внимание ее взгляд. Пристальный, как у охотника, отслеживающего добычу.

Этот взгляд напомнил Шахразаде ее собственный. Она задумалась, с какой целью Деспина предупредила о своем статусе соглядатая.

– Вы готовы приступить к трапезе? Или планируете устроить голодовку? В последнем случае станет хуже только вам, потому что отсутствие еды убьет такого хорошенького худенького бесенка раньше, чем халиф.

– Это был лучший из худших комплиментов, которые мне когда-либо говорили, – криво усмехнулась Шахразада.

– Не благодарите, – весело откликнулась Деспина. Она носилась по комнате как белый ураган, распространяя по комнате терпкий аромат жасмина.

Шахразада проследовала за служанкой к низенькому столику в углу покоев. Поднос был уставлен едой: лепешками лаваша, козьим сыром с различными соусами, супницей с бульоном и разрезанным пополам гранатом. Его зерна

блестели в лучах солнца, льющегося с балкона, как граненые рубины. Под украшенным узором серебряным сосудом с кардамоновым чаем теплился огонек, поддерживая температуру напитка.

Деспина сняла крышку с супницы и принялась наливать ароматную жидкость в тарелку. После чего занялась приготовлением чая и положила кусок дробленого сахара на дно небольшой чашки из матового стекла.

Шахразада устроилась на подушках и потянулась за лавашом.

Служанка наблюдала за ней сквозь густые ресницы, пока тонкой струйкой наливала чай в чашку.

– Я действительно надеюсь, что вы победите, госпожа, – голос Деспины звучал тихо, с ноткой настороженности.

– Пожалуйста, зови меня Шахразада.

– Хорошо... Шахразада, – широко улыбнулась служанка.

Ничего не оставалось, как улыбнуться в ответ. Хотя о бдительности в присутствии соглядатая тоже не следовало забывать.

С помощью Деспины Шахразада приняла ванну и облачилась в другой изысканный наряд из шелка и дамаста. На лоб госпоже служанка водрузила серебряную диадему, усыпанную жемчужинами и небольшими голубыми сапфирами, а на шее застегнула ожерелье из того же гарнитура. Тонкие алмазные браслеты позвякивали на левом запястье при каждом движении.

– Мне можно покидать покои? – спросила Шахразада, когда Деспина закончила наносить сурьму ей на веки.

– Да, можно ходить почти по всему дворцу, – кивнула служанка. – Но только в сопровождении Раджпуты.

– Раджпуты? [6 - Раджпуты – каста, причисляющая себя к потомкам кшатриев, то есть воинов в древней индоарийской Индии. Раджпут – воин, рыцарь.] Воина? А

имя у него есть?

– Халиф, очевидно, так восхищен неземной красотой своей жены, что отрядил на ее охрану личного телохранителя, – перевела тему Деспина, и в ее глазах мелькнула легкая насмешка вкупе с сочувствием.

– Значит, за мной будет присматривать не только соглядатай, но и палач, в любой момент готовый меня казнить?

– Более или менее.

«Ненависть – слишком слабое слово для того чувства, которое я испытываю по отношению к этому чудовищу», – подумала Шахразада.

– Так что за Воин? – прошипела она.

– Раньше он был известен под именем Бич Индостана. Сейчас же считается лучшим фехтовальщиком в Рее, или даже во всем Хорасане. Предпочитает использовать в качестве оружия тальвар. Только один человек может сравниться в искусстве владения саблей с Воином, но и он не в состоянии его одолеть.

Эта информация могла пригодиться в будущем, поэтому Шахразада продолжила расспрашивать:

– И кто тот человек, который почти сравнился мастерством с Воином?

– Я ожидала большей подготовленности, – нахмурилась Деспина.

– В каком смысле?

– Думала, ты явишься сражаться уже вооруженная всеми необходимыми сведениями.

– Прости, что не позаботилась составить список лучших фехтовальщиков Хорасана, чтобы повсюду носить с собой, – язвительно парировала Шахразада.

– Что ж, полагаю, простой дочери библиотекаря эту информацию действительно оказалось бы сложно достать. Она же не развешивается на всеобщее обозрение.

– Мой отец – хранитель древних текстов и самый умный человек на свете. А при предыдущем халифе и вовсе служил визирем, – запальчиво произнесла Шахразада, косо взглянув на дерзкую собеседницу.

– Слышала, что после смерти жены он утратил рассудок и получил значительное понижение в должности. Став простым библиотекарем.

Деспина явно провоцировала ее. Но с какой целью?

Шахразада стиснула кулаки, едва сдерживая гнев, но промолчала, не желая утратить контроль над эмоциями. Вместо этого она принялась тереть тяжелое серебряное ожерелье, которое душило ее.

– Так вам все еще интересно узнать, кто является вторым по мастерству фехтовальщиком Рея? – не получив ответа, сменила тактику служанка.

– Уже нет. Это не так уж важно.

Деспина понимающе улыбнулась и сообщила:

– Им является Халид ибн аль-Рашид. Наш достославный царь из царей.

Сердце Шахразады упало, в горле пересохло. Талантливые фехтовальщики почти всегда были также и выдающимися стратегами. И имели наметанный глаз на уловки.

Задача осложнилась. Если халиф заподозрит ее в вероломстве, то заставить его врасплох и убить станет почти невозможно.

– Как я и говорила, это не важно, – сглотнув, выдавила Шахразада.

– Пожалуй, подобная информация действительно не пригодится. Но я подумала, вам хотелось бы это знать.

- Ты ошиблась, - отрезала Шахразада, гадая про себя, какую игру затеяла служанка.

Затем прошла к дверям и распахнула тяжелые створки. За ними маячила массивная фигура мужчины с кожей цвета полированной меди. На его голове красовался затейливо замотанный тюрбан. Не прикрытые одеждой руки бугрились от мышц. Черная борода чуть длиннее линии челюсти выглядела ухоженной и аккуратной. Глаза темные, как безлунная ночь, сурово и безжалостно смотрели на Шахразуду сверху вниз.

- А ты... - протянула она, не желая пользоваться прозвищем. - Прошу прощения, как тебя зовут?

- Я же говорила, это Воин, - ответила вместо охранника Деспина, тоже подходя к дверям.

- Но у него же должно быть имя, - прошипела Шахразада через плечо.

- Если и есть, то мне оно неизвестно.

Что ж, рано или поздно придется посмотреть в лицо своим страхам и потенциальному палачу.

- Меня зовут Шахразада, - она снова обернулась к охраннику и заглянула в черную бездну его глаз.

Тот еще несколько секунд пристально смотрел на девушку, а затем отошел в сторону, пропуская ее.

Шахразада скользнула мимо, подметив на бедре молчаливого великана длинный, слегка изогнутый клинок тальвара, зловеще сверкавший в лучах полуденного солнца.

«Значит, этот немой дикарь - единственный человек, способный одолеть моего врага, - подумала девушка. - Каким же образом обнаружить уязвимые места Халида ибн аль-Рашида, если его соглядатаи следят за каждым моим движением? - Она медленно выдохнула. - Похоже, меня ждут большие

неприятности».

Сила натяжения

Первоначальное здание дворца возвели почти триста лет назад по распоряжению правителя, который любил все экстравагантное. Позже к величественному строению из мрамора и известняка добавили несколько флигелей. Они вплетались во дворец, как притоки в русло реки.

В таком здании легко было заблудиться.

– Как попасть во двор? – спросила Шахразада у Деспины после того, как вся процессия проблуждала по сверкающим коридорам почти полчаса.

Служанка задумчиво склонила голову набок, но все же ответила:

– Кажется, действительно никто не отдавал приказа не выпускать вас наружу.

Шахразада сдержала первое побуждение отпустить язвительный комментарий на этот выпад и молча последовала за Деспиной, которая свернула в правый коридор. Воин шагал рядом с подопечной. Его осанка казалась такой же непримиримой и жесткой, как и выражение лица. Через несколько минут шествия в полной тишине они очутились в открытой галерее с рядом арочных двустворчатых дверей, ведущих наружу.

Слуга распахнул одну из створок, и Шахразада прошла во внутренний двор, который располагался каскадом, как ступени громадной лестницы. Первый ярус был засажен цветущими деревьями. В дальнем конце находился изысканный птичник, со всех сторон окруженный декоративными резными решетками из дерева акации. Их покрывал тонкий слой белой краски, а крепления были выполнены из полированной бронзы. Сквозь гранитную плитку из земли пробивалась зеленая трава.

Шахразада решительно зашагала дальше мимо вольера, бросив взгляд на пеструю стаю певчих птиц, порхающих внутри: соловьев, щеглов, жаворонков,

канареек...

Внезапно ее внимание привлек громкий крик. Обернувшись, она увидела павлина, который с важным видом прохаживался по лужайке. Его распущенный веером хвост блестел в лучах солнца всеми оттенками малахита и золота.

Заметив Шахразаду, павлин тут же сложил оперение и поспешил прочь.

– Такой высокомерный и такой пугливый, – рассмеялась она.

– Вы о ком? – поинтересовалась Деспина. Когда же собеседница не ответила, уточнила: – Неужто речь о мужчинах?

Шахразада молча покачала головой и продолжила путь, пока не добралась до каменных ступеней, ведущих на следующий ярус. Здесь росло много плодовых деревьев. Зеленый инжир свисал с веток, ожидая своего часа. Апельсины же были усеяны белыми цветками, испускавшими нежный аромат.

Шахразада миновала их, лишь на мгновение замедлив шаг, чтобы вдохнуть приятный запах.

– Что вы пытаетесь отыскать? – с легким подозрением спросила Деспина, наблюдая за ней, однако снова не получила ответа от госпожи, которая заслонила ладонью от солнца глаза и принялась всматриваться в покрытый песком и камнем ярус, лежавший ниже. – Если вы поведаете о своих планах, я могла бы помочь, – предложила служанка.

– Я ничего не планирую. Просто хочу найти кое-что.

– И что же?

– Служанку, которая не будет задавать так много вопросов.

Деспина усмехнулась и последовала за Шахразадой. Та уже торопливо сбегала по последнему пролету лестницы на плиты нижнего яруса, направляясь к выходу.

Воин что-то неодобрительно проворчал, из чего его подопечная заключила, что он все же не немой.

– Не думаю, что вам позволено здесь находиться, – громко предупредила Деспина.

– Ты говорила, что мне можно ходить где угодно в сопровождении Воина, – напомнила Шахразада.

– Вряд ли кто-то предполагал, что вы забредете на тренировочную площадку.

Однако слова служанки пропали даром: юная госпожа уже разглядывала толпу мужчин, которые самозабвенно упражнялись с различным оружием, оттачивая мастерство. В воздухе мелькали сабли, летали брошенные в мишень копья, блестели на солнце смертоносные лезвия топоров-табарзинов.

Однако одного человека Шахразада так и не обнаружила.

– Вы ищете халифа? – догадалась Деспина.

– Нет, – отмахнулась собеседница, размышляя, что звание одного из лучших фехтовальщиков зарабатывает лишь тот, кто постоянно тренируется, а значит, он обязательно появится здесь.

Шахразада должна была изучить сильные и слабые стороны противника, чтобы уничтожить его.

– Так я и поверила, – ухмыльнулась служанка.

– На самом деле я пришла, чтобы... – Глаза девушки блуждали по площадке, пока не наткнулись на знакомый предмет. – Чтобы научиться стрелять из лука.

– Что?! – воскликнула Деспина.

Изображая полнейшее невежество, Шахразада направилась к стойке с оружием.

Воин заступил дорогу, ониксовые глаза предостерегающе вспыхнули.

– Научишь меня стрелять? Мне всегда очень хотелось уметь обращаться с луком и стрелами, – набравшись смелости, спросила Шахразада, отвечая на враждебный взгляд великана.

Тот лишь молча покачал головой.

– Ну пожалуйста, – надув губы, протянула девушка. – Со мной ничего не случится. Кроме того, завтра я уже перестану тебя обременять. И всего-то прошу исполнить маленькое желание.

– Возможно, он переживает не за тебя, – язвительно предположила Деспина.

Шахразада попыталась обогнуть великана, но тот сделал шаг в сторону, заграждая ей путь.

– Ну почему ты такой несговорчивый, – недовольно произнесла девушка, поджимая губы.

– Это его обычное состояние, – последовал комментарий из-за ее спины, высказанный глубоким мужским голосом.

Деспина и Шахразада обернулись. На них пристально смотрел юноша с копной медно-каштановых волос и приветливым, располагающим лицом.

Воин напрягся.

– Возможно, я сумею чем-нибудь помочь? – с ухмылкой предложил незнакомец.

– Была бы крайне признательна, – ослепительно улыбнулась Шахразада. – Я...

– Я знаю, кто вы такая, госпожа. Полагаю, на данный момент всем во дворце это известно. – Карие глаза юноши озорно сверкнули, и он подмигнул Деспине.

Та отвела взгляд и залилась румянцем.

«Дамский угодник», – пришла к выводу Шахразада, вслух же любезно произнесла:

– Тогда вы обладаете передо мной преимуществом.

– Меня зовут Джалал. – Юноша склонил голову, прикасаясь кончиками пальцев ко лбу.

– Капитан дворцовой стражи и сын главного генерала – шахрбана Арефа аль-Хури, – добавила Деспина официальным тоном.

– Не позволяйте этим званиям ввести вас в заблуждение, госпожа. При дворе со мной не особенно считаются, несмотря на высокий титул отца.

– Значит, мы оба обладаем подобным жалким статусом: я тоже не являюсь сколько-нибудь значительной фигурой, – вздохнула Шахразада.

– Сомневаюсь, моя госпожа, – не согласился Джалал с широкой улыбкой, которая осветила и без того приветливое лицо. – Очень в этом сомневаюсь.

Воин снова недовольно хмыкнул. Этот раздраженный звук вернул Шахразаду к насущному вопросу.

– Могли бы вы оказать мне любезность и научить стрелять из лука, капитан аль-Хури? – спросила она.

– С несколькими условиями. Во-первых, вы оставите в стороне формальности и будете звать меня просто Джалал. Во-вторых, Халид не должен узнать о моей роли в этой эскападе.

«Халид? Он обращается к халифу по имени?» – удивилась Шахразада про себя, вслух же произнесла:

– Я принимаю условия. С превеликим удовольствием. Взамен на ответную любезность. По обоим пунктам.

– Тогда следуйте за мной, Джалал, – улыбнулся молодой капитан, заговорщически наклоняясь к собеседнице, заставив ее рассмеяться.

– Это плохая затея, – предупредила Деспина, складывая руки на груди и меряя взглядом озорное лицо Джалала.

– Для кого? Для тебя или для меня? – отмахнулась Шахразада. – Мне лично очень нравится идея провести последний день своей жизни, занимаясь теми вещами, о которых я всегда мечтала.

Служанка покорно вздохнула и поплелась следом за госпожой и молодым капитаном. Воин топал позади, источая неодобрение и раздражение, несмотря на многозначительные взгляды, которые с укоризной кидал на него Джалал.

Вскоре они остановились возле стойки с луками. Рядом, на железной балке, висело несколько колчанов. Торчавшее из них оперение стрел было выкрашено в разные цвета. Шахразада вытащила одну из них, с затупленным наконечником для тренировки, и, приложив все усилия, чтобы выглядеть безразлично, слегка согнула древко. Оно оказалось не особенно гибким.

– Вы уже стреляли из лука раньше? – поинтересовался Джалал, наблюдая за действиями девушки с проникательностью, удивительной для человека, казавшегося настолько беспечным.

– Нет, – отозвалась она, стараясь, чтобы голос звучал легкомысленно.

– Позвольте поинтересоваться, что тогда вы делали?

– Просто стало интересно, – пожала плечами Шахразада, возвращая стрелу в колчан.

Затем взяла вторую, с оперением другого цвета, и произвела те же самые манипуляции.

«Эта значительно лучше», – отметила про себя девушка и сняла колчан с балки.

– Похоже, мои наставления не потребуются, – весело прокомментировал Джалал.

– Неправда... – поспешно возразила Шахразада, лихорадочно обдумывая, каким образом сгладить досадный промах. – Мой... двоюродный брат как-то упомянул, что стрелять становится легче, если древко более гибкое. Тогда не требуется сильных рук.

– Ясно, – недоверчиво протянул Джалал. – А что ваш... двоюродный брат говорил о луках?

– Ничего. Да и про стрелы-то фразу обронил мимоходом.

– Само собой, – кивнул молодой капитан с еще большим сомнением. – Мимоходом.

Он быстро осмотрел луки, висевшие на стойке, и потянулся к длинному, с почти прямой деревянной планкой, бросив быстрый взгляд через плечо на Шахразуду.

Та лишь спокойно улыбнулась в ответ.

Не сводя с нее глаз, Джалал занес руку над гораздо меньшим луком с двойным изгибом, концы которого сгибались от стрелка при натяжении.

Подобная конструкция требовала гораздо меньше усилий.

Шахразада удержала на лице улыбку, отказываясь поддаваться на уловку.

– Какой лук предпочитаете?

– Доверюсь вашему совету.

– Думаю, этот прекрасно вам подойдет, – кивнул Джалал, затем с понимающей усмешкой взял со стойки лук с двойным изгибом и зашагал к линии стрельбы, расположенной в пятидесяти шагах от мишеней.

Следуя за юношей, Шахразада мысленно упрекала себя за то, что так безрассудно выдала свои знания по части стрельбы из лука. Однако жалеть об этом было уже поздно. Оставалось запомнить урок и в будущем действовать

осторожнее.

Заняв место на линии, девушка собрала черные волнистые пряди в узел на затылке, сняла громоздкую мантию и протянула ее Деспине. Слабый ветерок приятно охладил разгоряченную кожу рук и живота. Облегающий серебристый топ с короткими рукавами имел квадратный вырез. Шелковый кушак кобальтового цвета обвивал талию, а вышитые жемчугом концы касались земли. Ноги в вышитых туфлях поднимали облачка песка при каждом шаге.

Шахразада забросила колчан на плечо и приняла от Джалала лук с двумя изгибами.

В стороне начала собираться толпа заинтересованных зрителей. Деспина и Воин подошли ближе, по-прежнему не скрывая недовольства затеей.

Намеренно не поменяв позы, Шахразада вытянула стрелу из колчана и попыталась наложить ее на безвольно висевшую тетиву.

Джалала все эти действия явно не убедили.

Когда Шахразада натянула лук, то тонкое древко стрелы задело рукоять, дрожа в подчеркнуто неправильной хватке.

– Так правильно?

– Нет, – фыркнул Джалал. – Но вам и самой это прекрасно известно, не так ли?

– Конечно же, нет.

– Вы уверены?

– Так вы собираетесь учить меня или нет? – капризно спросила Шахразада.

– Поставьте левую ступню вперед, чтобы ноги оказались примерно на ширине плеч, – улыбаясь, велел Джалал. После того, как девушка выполнила указание, он продолжил: – Теперь ослабьте хватку и опустите локти. Смотрите в прицел, расположенный на рукоятке лука, когда будете стрелять.

Шахразада едва не усмехнулась. Прицел ей был не нужен с тринадцати лет. Об этом позаботился Тарик.

– Как только прицелитесь, оттяните стрелу как можно дальше и отпустите ее, – завершил наставление Джалал.

Когда она отпустила тетиву, стрела полетела к мишени и упала шагах в двадцати от цели.

Шахразада взглянула на капитана, на лице которого по-прежнему читалось выражение недоверия.

– Ваш «двоюродный брат» не объяснил, что такое сила натяжения?

Она отрицательно покачала головой.

Джалал тяжело вздохнул и подошел к ученице.

– Я выбрал этот лук именно потому, что у него меньшая сила натяжения. Полагаю, по этой же причине вы выбрали более гибкие стрелы. Это помогает выстрелить, не прикладывая значительных усилий. Это особенно важно для таких маленьких лучников, как вы.

– Значит, натягивать лук легче при высоком росте?

– Скорее дело в скорости и точности. Если не требуется тратить много энергии на один выстрел, можно быстрее сделать другой. А если не держаться так напряженно, то точность попадания в цель повышается.

– Звучит логично, – согласилась Шахразада.

– Так и есть, – ухмыльнулся Джалал.

Она пропустила мимо ушей его многозначительный тон и потянулась за новой стрелой. Затем положила ее на тетиву и метнула быстрый взгляд на молодого капитана.

- Похоже, вы с халифом хорошо знакомы.

- Я знаю Халида с тех пор, как он был совсем маленьким мальчиком. - Веселье Джалала слегка угасло.

- Вы близко дружите?

- Вовсе нет.

- Понимаю, - произнесла Шахразада, после чего оттянула стрелу и отпустила ее. В этот раз она почти долетела до мишени, но все же воткнулась наконечником в песок.

- Я старше Халида на два года и вырос вместе с его братом Хасаном. Мы были очень близки. После его смерти я предложил дружбу и халифу, но... - Джалал пожал плечами. - Он так и не принял ее.

- Сочувствую, - искренне сказала Шахразада, поворачиваясь лицом к собеседнику.

- По поводу чего?

- Нелегко терять лучшего друга. По крайней мере, мне так кажется.

- Спасибо за сочувствие. И все же Халид лишился старшего брата. А год спустя погиб и его отец. Из-за того ужасного происшествия с матерью ему пришлось занять трон в четырнадцать. Четырнадцатилетний мальчик, оставшийся в полном одиночестве... Уверен, вы представляете, что случилось затем.

«Мне все равно, - гневно подумала Шахразада. - Тем чудовищным поступкам нет оправдания. У халифа было четыре года, чтобы привыкнуть править. Насчет же того, что случилось затем...»

Заметив ее выражение лица, Джалал подошел ближе и добавил уже тише:

- Поймите, я не пытаюсь его... оправдать.

Шахразада отвернулась, достала новую стрелу. Затем застыла, осознав, что натянула тетиву одним слитным движением, мало походящим на действия неопытного лучника.

– Приношу низжайшие извинения, – рассмеялся Джалал, – но, кажется, у меня появился повод просить об услуге, Шахразада.

– И почему вы так считаете? – сквозь зубы процедила девушка.

– Потому что такова цена моего молчания.

– Что? – недоверчиво переспросила она.

– Не представляю, каковы ваши планы по отношению к Халиду, – тихо произнес Джалал, подходя почти вплотную, – но вы единственная, кто сумел вывести его из равновесия за последние годы. А ему не помешает встряска.

– Так что за услуга? – уточнила Шахразада, твердо встречая взгляд собеседника и при этом не отпуская натянутую тетиву.

– Халид мне не друг. Но и не враг. Он мой повелитель. Я с теплом вспоминаю, каким он был в детстве: добрым, любопытным, умным. Сострадательным. Тот мальчик превратился в сломленное существо. И мне тяжело за этим наблюдать. Ты сможешь мне исцелить его?

Шахразада угрюмо уставилась на Джалала, не находя слов и гадая, откуда в нем взялась такая слепая преданность. Такое неоправданное доверие к юноше с повадками убийцы и к девушке с вероломными намерениями.

Молодой загорелый капитан не отводил взгляда. Их лица почти соприкасались.

В этот момент из затененной галереи показалась Деспина. Ее лицо было искажено от ужаса. Отследив источник испуга, Шахразада замерла, неспособная вдохнуть.

На противоположной стороне тренировочной площадки стоял халиф Хорасана и наблюдал за ними со сдержанным, отстраненным интересом.

С выражением лица спокойным, как затишье перед бурей.

В свете единственной свечи

Заметив, как побледнела Шахразада, Джалал обернулся.

– Полагаю, ни один из нас не сумел выполнить условия договора, – с легким весельем, в котором сквозил вызов, произнес он.

– Похоже на то, – отозвалась Шахразада, не сводя взгляда с янтарных глаз своего заклятого врага.

– Однако же надеюсь продолжить нашу беседу при более благоприятных обстоятельствах, – заявил Джалал, отходя в сторону и отвешивая девушке насмешливый поклон.

Халиф, облаченный в белоснежный камис из тончайшего льна и серые свободные шаровары, уже направлялся к ним через просторную площадку. К черному кушаку, повязанному вокруг бедер, крепилась кривая сабля. Шахразада никогда раньше не видела таких изогнутых клинков. А обладатель необычного оружия воплощал полную противоположность всему доброму и хорошему, что существовало в мире.

Завидев халифа, все воины на тренировочной площадке прекратили свои упражнения и почтительно застыли. Справа и чуть поодаль за ним шагал пожилой мужчина, манерой держаться и внешностью отчетливо походил на Джалала. Слева семенил озабоченный чем-то человек, нервно прижимавший к груди гору свитков. По бокам маршировал эскорт личной охраны.

На одно опасное мгновение, равное удару сердца, Шахразада задумалась, не выпустить ли стрелу в приближавшегося врага. С такого расстояния она, без всякого сомнения, поразила бы цель. Однако предназначенный для тренировки

наконечник был затуплен и вряд ли бы нанес смертельную рану.

Поэтому девушка опустила лук, решив не рисковать понапрасну.

Когда халиф приблизился, она усилием воли постаралась успокоить бешено бьющееся сердце. Чтобы одолеть это чудовище, нужно сперва подавить страх перед ним. И чем скорее, тем лучше.

Халид ибн аль-Рашид остановился в нескольких шагах от Шахразеды и смертельно спокойным тоном поприветствовал Джалала:

- Капитан аль-Хури.

- Сеид, - склонил тот голову, касаясь лба кончиками пальцев. - Мой повелитель, я лишь демонстрировал царице, как стрелять из лука.

- Это я и сам вижу. Вопрос - с какой целью?

- По моей просьбе, - вступила в беседу Шахразада, хотя слова прозвучали громче, чем она планировала.

Тигриные глаза бесстрастно переместились на девушку, отмечая ее внешний вид: отсутствующую мантию, небрежно собранные в пучок на затылке волосы... и колчан со стрелами, висящий на плече.

- Тогда прошу ответить на тот же вопрос тебя.

- А мне что, обязательно нужна причина? - дерзко спросила она, ощутив внезапное желание поступить наперекор.

- Я хочу узнать объяснение, а не причину.

- Это одно и то же.

- Не вполне.

– На самом деле вполне. Вне зависимости от точки зрения, я лишь хотела научиться стрелять, и Джалал согласился исполнить мою просьбу.

Пока Шахразада произносила свою запальчивую речь, растрепанный узел волос на затылке начал распадаться.

– Джалал? – услышав столь фамильярное обращение к капитану стражи, халиф слегка приподнял брови, впервые с момента спора продемонстрировав хоть какую-то реакцию.

– Да, Джалал, – вскинула Шахразада подбородок и раздраженно заправила за ухо упавшую на лицо прядь.

– И чему же Джалалу удалось тебя научить?

– Что? – переспросила Шахразада, не сумев скрыть удивления от проявленного халифом интереса.

– Если он преподавал тебе искусство стрельбы, ты можешь показать, что усвоила. Если капитан аль-Хури не совсем уж бездарный наставник.

– Да будет позволено напомнить моему господину, – со смехом отозвался Джалал, – что я приложил руку и к вашему обучению.

– Сын, – громким шепотом одернул юношу верховный генерал, чье обветренное лицо прорезали морщины, складываясь в обеспокоенную гримасу.

– Тем не менее стрельбу из лука нельзя отнести к моим сильным сторонам, – сказал халиф.

– Как будет угодно повелителю, – язвительно усмехнулся Джалал.

– Сын! Прекрати! – резко вмешался шахрбан Ареф аль-Хури. – Негоже так разговаривать с царем из царей.

Джалал покорно поклонился, хотя взгляд его остался глумливым.

– И так? – халиф снова обернулся к Шахразаде.

Та бестрепетно встретила выжидательный взгляд его янтарных глаз, потом молча положила стрелу на тетиву и на мгновение застыла, не поднимая лук.

Как же хотелось продемонстрировать все свое мастерство и заносчивому правителю, и толпе зевак! Показать, что с Шахразадой аль-Хайзуран шутки плохи. Как же хотелось воздать должное Тарику, бывшему ей терпеливым наставником на протяжении многих лет.

В возрасте одиннадцати лет она попросила двенадцатилетнего сына могущественного эмира научить ее стрелять и ожидала отказа. Но все сложилось иначе. Именно тем летом в пустыне, когда юная Шахразада неуклюже возилась с самодельными луком и стрелами, она и влюбилась в Тарика Имрана аль-Зийяда. Влюбилась в его прямоту и чувство юмора, отражавшееся в вечно игравшей на губах озорной улыбке. Безусловно, то было детским увлечением, но из этих драгоценных воспоминаний Шахразада черпала силы каждый раз, как чувствовала подкрадывавшуюся тьму грусти и отчаяния.

Ведь чудо первой любви ни с чем не сравнится.

Шахразада зажмурилась, вспоминая Тарика, и со вздохом решила, что пока не следует вступать в бой. Однако и выглядеть слабой тоже не стоило.

Не открывая глаза, она вскинула лук и натянула тетиву, не прицеливаясь.

С тринадцати лет Шахразада доверяла инстинктам, своей способности определять расстояние с одного взгляда. Вот и сейчас она точно знала, куда желает попасть, а потому медленно выдохнула, открыла глаза и тут же спустила тетиву.

Стрела полетела идеальной дугой и поразила намеченную мишень.

– Невероятно. Несмотря на то что вы не прицеливались, в этот раз попали, куда следовало, – сухо отметил Джалал. – В некотором роде.

– Благодаря великолепному учителю, – жизнерадостно отозвалась Шахразада.

Халиф не следил за их беседой, наблюдая за облаками в небе. На губах его мелькнула едва заметная улыбка.

- В самом деле? - с сомнением пробормотал Джалал.

- В некотором роде, - ухмыльнулась Шахразада. - Как бы там ни было, я попала в мишень. Точнее, в одну из ее ножек.

- И это можно было бы назвать блестящим выстрелом, если бы именно так и планировалось.

- Однако мы уже выяснили, что я не прицелилась. И все же справилась вовсе недурно, вы так не считаете?

- Давайте спросим мнение нашего повелителя, - предложил Джалал. - Как думаете, сеид, прошла ли царица ваше испытание на пригодность?

С его стороны было невероятной дерзостью задавать подобный вопрос. Шахразада обернулась к халифу, чувствуя, как к щекам приливает краска. Тот следил за спором, храня отстраненное молчание, но на вопрос коротко ответил:

- Она промахнулась мимо цели.

Шахразада сузила глаза и с еще большим раздражением убрала за ухо непослушную прядь, которая снова упала ей на лицо.

- Не соизволит ли повелитель продемонстрировать надлежащее мастерство? - прохладно поинтересовалась девушка и протянула новую стрелу вместе с луком халифу.

Тень неясных эмоций пробежала по его суровому лицу, заставив Шахразаду еще сильнее возжелать прочесть мысли загадочного юноши.

«Не имеет значения, о чем он думает, - тут же одернула она себя. - И никогда не будет иметь значения. Не должно иметь значения».

Халиф шагнул вперед и принял оружие из рук Шахразады, застыв, когда их пальцы соприкоснулись, после чего отстранился. Тигриные глаза затуманились, выражение лица снова стало непроницаемым. Не произнося ни слова, он положил стрелу на тетиву, принял нужную позу и вскинул лук. Поджарое тело казалось идеальной картинкой из пособия по стрельбе, поражая четкостью движений, когда он натянул лук с двойным изгибом так, что тот почти превратился в дугообразный.

Прицеливаясь, халиф медленно выдохнул.

Шахразада с трудом сдержала улыбку, поняв, что стреляет лучше.

Стрела полетела почти прямо и попала почти в самый центр мишени, однако все же не в яблочко.

- Неплохо, мой господин, - похвалил Джалал.

- Приемлемо, - едва слышно поправил халиф, опуская лук и возвращая его Шахразаде. - Но и хвастаться нечем.

Не встречаясь с ней взглядом, он повернулся, собираясь покинуть площадку.

- Мой господин, - окликнула халифа девушка. Тот остановился, но не обернулся. - Осмелюсь попросить...

- Джалал - отличный наставник. И гораздо опытнее меня.

В душе Шахразады вспыхнуло глухое раздражение. Как это чудовище посмело вообразить, что она чего-то от него хотела? Помимо немедленной смерти.

- Ну и отлично! - огрызнулась она.

Халиф сделал несколько шагов и снова остановился, в этот раз оборачиваясь:

- Шахразада?

- Да?

- С нетерпением жду нашей встречи сегодня ночью.

Шахразада резко вытащила стрелу из колчана и наложила на тетиву.

«Как же я его презираю! Воображает, будто может научить меня обращаться с луком, а сам пользуется прицелом! Тарик одолел бы этого неумеху с закрытыми глазами. Один из лучших фехтовальщиков Рея – но не лучший – ха!» – думала девушка, стараясь не обращать внимания на неуверенность, пустившую ростки в сердце.

* * *

Джахандар лежал на боку и пустым взглядом смотрел в стенку шатра, которая колебалась на холодном ночном ветру.

Сам мужчина прислушивался и ждал.

Как только дыхание Ирсы выровнялось, свидетельствуя, что она погрузилась в сон, он осторожно повернулся и тихо откинул покрывала, замерев, когда дочь зашевелилась. Убедившись, что она лишь приняла более удобную позу, отец медленно поднялся на ноги, которые до сих пор ныли после целого дня в пути.

С превеликой предосторожностью Джахандар прокрался к седельной суме, стараясь не шуметь, достал оттуда сверток, вытащил старую потрепанную книгу в кожаном переплете и спрятал на груди. Почувствовав исходившее от древнего фолианта тепло, сердце хранителя забило сильнее.

Сильнейшая магия теперь находилась в его руках.

Джахандар скользнул в угол шатра и положил драгоценную рукопись на крышку сундука с одеждой. Затем зажег единственную свечу. И глубоко вдохнул.

Переплет фолианта был потрепанным, надписи – нечитаемыми, а уголки – порванными. Замочек, находившийся по центру, уже заржавел.

Джахандар смотрел на почерневшую, древнюю книгу.

Если только он ступит на этот путь...

Он закрыл глаза и сглотнул, вспоминая последние дни жены, когда она лежала в постели, задыхаясь и умоляя хоть еще об одной секунде с детьми.

Заклиная Джахандара, чтобы тот излечил ее от изнуряющей болезни.

Он подумал о том мгновении, когда подвел любимую, о том, каким бесполезным себя чувствовал, когда держал ее безжизненное тело. И о парализующем бессилии, с которым наблюдал, как старшая дочь отправилась в лапы безжалостному монстру всего два заката назад.

Какова бы ни оказалась цена, Джахандар намеревался все исправить. Он должен быть достоин Шахразады, если она сумела пережить рассвет. Если же нет...

Хранитель стиснул переплет книги, не позволяя себе снова поддаться темным мыслям и сомнениям. Затем вытянул из-за ворота ночной рубахи длинную серебряную цепочку, на которой покачивался черный ключ, склонился над древней книгой и вставил его в замочек.

Фолиант распахнулся, и от страниц разлилось белое сияние.

Джахандар попытался перелистнуть первую...

И тут же приглушенно вскрикнул, отдернув обожженные пальцы.

Но это не имело значения.

Он натянул рукав и попробовал снова.

Текст был на древнечагатайском языке, который с трудом понимал даже такой ученый человек, как Джахандар. Особенно в условиях ограниченного времени.

Но и это не имело значения.

Сердце гулко стучало в груди, но он решительно приступил к переводу в свете единственной свечи.

Ради детей он свернет горы.

И ни за что не подведет дочь снова.

Аладдин и его волшебная лампа

В этот раз Шахразада уже знала, что не следует ждать халифа слишком рано, и потому совершенно не удивилась, когда он явился глубокой ночью.

Слуги, которые принесли еду и вино, не обнаружили Шахразаду в покоях. Халид ибн аль-Рашид нашел ее на балконе. Она смотрела на боковую подъездную аллею, вдоль которой тянулся ряд фонтанов, и не обернулась, когда услышала шаги халифа, а лишь облокотилась на перила и улыбнулась про себя.

Он помедлил, но все же присоединился к Шахразаде.

Серебряный полумесяц висел высоко в небе, отражаясь в воде.

– Отсюда не видно апельсиновых деревьев, но мне нравится, что сюда доносится запах их цветков... как знак чего-то прекрасного и живого, – прервала она молчание.

Халиф отозвался не сразу.

– Тебе нравятся цветы апельсинового дерева?

– Да, но больше всего я люблю розы. У отца был великолепный розарий.

– Мне кажется, что отец, ухаживающий за цветами, стал бы возражать против подобной участи для дочери, – произнес халиф, поворачиваясь и изучая профиль собеседницы в лунном свете.

– А мне кажется, что правитель, рассчитывающий завоевать верность подданных, – заявила Шахразада, продолжая смотреть вперед, – не должен казнить на рассвете их дочерей.

– Кто сказал, что я рассчитываю завоевать верность подданных? – без всякого выражения отозвался халиф.

– А я-то все это время считала вас умным человеком, – подражая тону собеседника произнесла Шахразада и повернулась, чтобы посмотреть ему в глаза.

Явно заметив тонкую издевку, халиф слегка улыбнулся и ответил тем же:

– А я-то все это время считал, что ты не желаешь смерти.

Шахразада недоуменно заморгала и решила рассмеяться.

Звук ее голоса, мелодичный, как звон колокольчиков, разнесся по балкону, переливаясь через перила в темноту ночи и паря в воздухе.

Халиф посмотрел на девушку с искрой удивления, которую тут же спрятал за маской хмурой отстраненности.

– Вы очень странный, – прокомментировала Шахразада, перестав смеяться.

– Так же, как и ты, Шахразада аль-Хайзуран.

– По крайней мере, мне это известно.

– Как и мне.

– Но я не наказываю людей за свою странность.

– Завидую людям, которые воспринимают мир подобным образом, – вздохнул халиф.

– Вы намекаете, что я недалекая? – слова Шахразады источали раздражение.

– Нет. Просто смотришь на мир так же, как живешь – без страха.

– Это неправда. Меня пугает очень многое.

– И что же? – спросил он, испытующе глядя на девушку.

Как раз в этот момент, словно ночь ждала этих слов, порыв ветра пронесся по балкону и взметнул длинные черные волосы Шахразады. Густые пряди, точно живые, полетели ей в лицо, скрывая тонкие черты.

– Я боюсь смерти, – сказала она, перекрикивая ветер.

«И боюсь проиграть тебе», – добавила она про себя.

Халиф, не отрывал взгляда от Шахразады, пока вихрь не утих, перестав играть с ее локонами, которые развевались вокруг лица.

Когда последнее дуновение ветерка исчезло, на глаза ей упала все та же непослушная прядь, что и днем. Девушка уже потянулась к ней...

Однако халиф перехватил руку и сам нежно заправил упрямый локон за ухо.

Сердце снова затрепетало с удвоенной силой.

– Ответь, с какой целью ты явилась? – тихий голос звучал почти умоляюще.

«Чтобы победить», – подумала Шахразада, вслух же выдохнула:

– Пообещайте, что не казните меня, и я скажу.

– Не могу.

– Значит, и обсуждать больше нечего.

* * *

Как и в первую ночь, Шахразада сама удивлялась своему умению отстраняться от происходящего. И снова испытала благодарность, что халиф даже не пытался ее поцеловать.

Благодарность, смешанную с недоумением.

До этого Шахразада целовалась с Тариком – то были тайные объятия в тени сводчатых башенок. Недозволенность этих встреч всегда вызывала трепет. В любое время их мог застать слуга, или, еще хуже, Рахим мог обнаружить их... после чего бы принялся безжалостно подшучивать, что всегда и делал с тех пор, как возложил на себя обязанности старшего брата, которого у девушки никогда не было.

Она испытывала признательность, что не приходится целовать убийцу. И все же было странно, что новоиспеченный муж воздерживается от этого действия, особенно когда оно кажется намного менее интимным, чем... другие вещи.

Шахразада едва сдерживалась, чтобы не спросить об этом. Через час любопытство только возросло, но она одернула себя. Это не имело значения.

Когда халиф встал, чтобы одеться, она осталась в постели и притянула к груди большую красно-коричневую подушку, обхватив ее руками.

Уже подошедший к низкому столику Халид ибн аль-Рашид удивленно взглянул на девушку.

– Я не голодна, – сообщила она.

Он глубоко вздохнул, отчего широкие плечи приподнялись, и вернулся к изножью кровати.

Теперь они сидели друг напротив друга, настолько далеко, насколько позволяло пространство.

Мимолетно отметив странность ситуации, Шахразада легла на бок и зарылась в кучу шелковых подушек, свесив загорелые лодыжки с постели.

Халиф слегка прищурил янтарные глаза.

- Мне продолжить сказку? - спросила Шахразада и добавила: - Мой господин.

- Я едва не решил, что почетные титулы ниже твоего достоинства.

- Прошу меня простить!

- Ты забыла, кем я являюсь, Шахразада?

- Нет... - удивленно заморгала она. - Мой повелитель.

- Значит, отсутствие приличий просто естественное для тебя состояние.

- Так же, как для вас - угрюмое безразличие.

- Ответь, - снова глубоко вздохнув, продолжил халиф, - почему ты полагаешь, что можно разговаривать со мной подобным тоном?

- Кто-то же должен, - не колеблясь, отозвалась Шахразада.

- И этот кто-то - ты?

- Думаю, это должен быть тот, кто не трепещет перед вами. И хотя я испытываю... некоторое волнение в вашем присутствии, чем больше я узнаю, тем меньше остается причин вас бояться.

Как только Шахразада произнесла эти слова, то тут же осознала их правдивость. В течение единственного дня в качестве жены халифа она почти не заметила признаков того кровожадного чудовища, которого ожидала увидеть.

В этот раз на его лице промелькнула не просто тень удивления, а настоящее изумление, которое превратилось в смятение, но тут же переплавилось в привычную невыразительную маску.

– Тебе ничего не известно обо мне, – возразил халиф.

– Это правда, – едва не рассмеялась Шахразада. – Мне ничего не известно. Не будет ли сеид так любезен, чтобы просветить меня?

Это была расставленная ловушка... бокал ядовитого вина, предназначенного для того, чтобы отравить и лишить сил врага.

Предназначенного, чтобы изобличить его уязвимые места.

«Прошу, вручи мне веревку, на которой можно тебя повесить».

– Закончи историю об Агибе, Шахразада.

И благоприятный момент был упущен. Но лишь пока.

Она улыбнулась собеседнику с другого конца кровати и продолжила повествование оттуда, где закончила в прошлый раз:

– Тень в центре столба голубого дыма приобрела четкость и... начала смеяться.

Халиф расслабился и наклонился вперед, внимательно слушая.

– Агиб с ужасом отполз назад и заслонил лицо дрожащими руками. Смех же становился все громче, пока не заполнил собой все побережье, покрытое черным песком. Из клубов дыма появилась фигура лысого существа с заостренными ушами, кончики которых были украшены золотом. Молочно-белую кожу покрывали выпуклые надписи на незнакомом Агибу языке. Когда создание открыло рот, чтобы заговорить, стали заметны заточенные до бритвенной остроты зубы.

Шахразада сделала паузу, чтобы взбить подушки, и скрестила лодыжки, поймав взгляд халифа, который скользнул по обнаженным ногам девушки. Он тотчас отвел глаза.

Не обращая внимания на приливший к щекам жар, она продолжила:

– Агиб уверился в неминуемой гибели и зажмурился, вознося про себя молитву о быстром и безболезненном конце своей никчемной жизни. Поэтому, когда существо заговорило голосом, сотрясавшим землю, его слова были последними из того, что незадачливый мореход ожидал услышать, по множеству причин. Создание сказало: «Слушаю и повинуюсь, хозяин. Есть ли тревожащие твой ум вопросы?» Агиб же просто сидел, утратив дар речи. Существо повторило то же самое. Тогда наш герой собрался с силами и едва слышно пролепетал: «Вопросы? О каких вопросах ты говоришь, обитатель волшебной чаши?» Создание снова громогласно рассмеялось, а потом ответило: «Это был первый из трех вопросов, хозяин. Да будет тебе известно, что я отвечу на три, и не больше. Речь идет о двух оставшихся вопросах, которые хозяин Бронзовой Чаши может задать Всезнающему джинну. Я ведаю о прошлом, настоящем и будущем. Дав три ответа, я буду свободен. Выбирай вопросы мудро».

Услышав это, халиф улыбнулся, но ничего не сказал, и Шахразада продолжила:

– Агиб вскочил на ноги, все еще не веря в собственную удачу, однако острый ум бывшего вора помог овладеть собой. Осознав, что поспешные речи уже стоили ему одного драгоценного вопроса, он решил до времени хранить молчание, дабы не попасться на уловки хитроумного джинна, и тщательно сформулировал следующий вопрос, прежде чем задать его. Звучал тот вопрос следующим образом: «Джинн Бронзовой Чаши, твой хозяин желает знать точный способ, как сбежать с этого острова, чтобы достичь родных берегов без каких-либо злоключений». Существо коварно усмехнулось, отвесило Агибу поклон и промолвило, кивнув в сторону пика Адаманта: «На вершине горы сокрыта лодка с креплениями из меди. Вытащи ее на берег и плыви по направлению третьей наиболее яркой звезды в ночном небе. Спустя двадцать дней и ночей ты достигнешь родных берегов». Не скрывая недоверия, Агиб настойчиво указал джинну: «Ответ на вопрос требует, чтобы на протяжении всего путешествия меня не постигли злоключения. Однако ты не упомянул о еде или воде». Существо снова ухмыльнулось: «Хозяин мудрее многих людей, встреченных мной ранее. Будь по-твоему! Я укажу путь к скрытому источнику в самой западной части острова. Что же касается еды, осмелюсь предложить засушить

достаточно рыбы для путешествия».

– Слишком уж быстро джинн смирился, – вставил халиф. – Этим существам нельзя верить.

– Согласна, мой господин, – усмехнулась Шахразада. – На протяжении последующих нескольких дней Агиб исполнял подсказки: вытащил лодку на берег и наполнил ее припасами для путешествия, а на третью ночь отплыл от берега при свете полной луны. Бронзовая Чаша надежно покоилась в мешке. Десять дней прошло без приключений, и Агиб даже начал верить, что путешествие может закончиться хорошо... что удача все же улыбнется ему. В мечтах мореход уже стал обдумывать последний вопрос. Где раздобыть все богатства мира? Как завоевать сердце первой красавицы Багдада?

Шахразада сделала паузу, чтобы подчеркнуть эффект и позволить додумать свои варианты.

– Увы, как раз в тот момент лодка начала скрипеть, а соленая вода стала просачиваться между досками. К отчаянию Агиба обнаружилось, что медные крепления потрескались по краям, дав течь. В панике он попытался вычерпать воду из лодки голыми руками. Когда же осознал тщетность своих усилий, схватил чашу и потерял ее. Представший перед испуганным мореходом джинн спокойно сел на кренящемся носу лодки. «Мы тонем! – закричал Агиб. – Ты заверил, что я доберусь до родины без каких-либо злоключений!» Безучастно взирая на хозяина, существо промолвило: «Ты можешь задать мне вопрос». Агиб лихорадочно принялся осматриваться по сторонам, размышляя, не настало ли время использовать последний и самый драгоценный вопрос, и в тот момент заметил на горизонте мачту большого корабля. Мореход встал в лодке и замахал руками, крича, чтобы привлечь внимание. Когда судно направилось в его сторону, Агиб возликовал. Джинн же ухмыльнулся напоследок и исчез. Бывший вор поднялся на борт, дрожа от благодарности. Одежда его была изорванной, а потемневшее на солнце лицо скрывала отросшая борода. Увы...

Услышав заветное слово, халиф приподнял брови, но ничего не сказал.

– Когда владелец корабля вышел на палубу встретить спасенного, Агиб с ужасом обнаружил, что им оказался не кто иной, как эмир... Тот самый человек, стража которого гонялась за воров по всему Багдаду и вынудила пуститься в это

злосчастное плавание. На мгновение Агиб задумался, не прыгнуть ли в пучину моря, однако эмир тепло улыбнулся гостю и поприветствовал его на борту. Бывший вор понял, что потрепанный вид сделал его неузнаваемым. Тогда спасенный мореход преломил хлеб за столом эмира, разделив с ним еду и напитки, будто не имел представления о личности благодетеля. Пожилой мужчина оказался непревзойденным хозяином и сам наполнял чашу Агиба, развлекая его рассказами о своих многочисленных морских приключениях. Ближе к вечеру эмир поведал, что покинул родные берега несколько недель назад в поисках острова с таинственной горой, где была сокрыта волшебная чаша, способная дать ответ на любой вопрос – о прошлом, настоящем и будущем.

Халиф откинулся назад, опираясь на локти. Взгляд его потеплел.

– Заслышав слова собеседника, Агиб замер. Несомненно, речь шла о той самой чаше, что лежала сейчас в его мешке. Изобразив недоумение, бывший вор спросил эмира, почему тот решил отправиться в такой опасный путь в столь преклонном возрасте. С грустью пожилой мужчина признался, что лишь одна-единственная причина могла побудить его покинуть родные берега в поисках черной горы и спрятанной в ней чаши. Несколько недель назад у него похитили нечто очень важное: кольцо, принадлежавшее умершей жене. Эта вещь оставалась единственным напоминанием о любимой, оттого ценилась превыше всего. На улицах Багдада умелый вор стащил украшение прямо с руки эмира и растворился в толпе, словно тень. С того самого дня призрак умершей жены стал преследовать мужа по ночам. Необходимо было вернуть кольцо любой ценой. Для этого и требовалась чаша. Волшебная вещь помогла бы вернуть памятное украшение, умиловив дух покойной и восстановив добрую память об их любви.

– Значит, эмир хотел спросить всеведущего джинна об обычной безделушке, простом символе любви? – прервал повествование халиф.

– Обычной безделушке? Любовь – величайшая из движущих сил, мой повелитель. Ради нее люди совершают невообразимое... и часто достигают невозможного. На вашем месте я бы не посмела насмехаться над подобной мощью.

– Я не насмехаюсь над силой любви, – поймав взгляд Шахразады, сказал халиф. – Лишь сокрушаюсь о том, какую роль она сыграла в этой сказке.

– Неужели моего господина опечалила важность любви для эмира?

– Скорее меня раздражает важность этого чувства для любого человека, – после некоторой заминки отозвался халиф.

– Вполне объяснимо, – на губах Шахразады появилась грустная улыбка. – Хоть и немного предсказуемо.

– И снова ты полагаешь, что многое поняла обо мне за один день и две ночи, моя госпожа, – склонив голову, произнес халиф.

Шахразада отвела глаза и рассеянно принялась тереть уголок подушки, ощутив, что к щекам прилила краска.

«Моя госпожа?»

В наступившем неловком молчании стало слышно, как пошевелился халиф, которому явно стало не по себе.

– Вы правы, – пробормотала Шахразада, – мне не следовало этого говорить.

Собеседник глубоко вдохнул. В покоях воцарилась неловкая тишина.

– А мне не следовало тебя прерывать. Приношу свои извинения, – прошептал он. Услышав эти слова, Шахразада изо всех сил сжала бордовую бахромую подушки. – Прошу, продолжай.

Девушка подняла глаза на халифа, кивнула и вернулась к сказке.

– Агиб слушал историю с нарастающим смущением. Было очевидно, что это он совершил кражу, а от кольца, о котором велась речь, избавился во время бегства от стражи эмира. Отдать волшебную чашу мореход не намеревался. Как и задавать последний, самый важный, вопрос, не обдумав его как следует. Если же эмир проведает, что цель его путешествия находится у Агиба, то, скорее всего, убьет его, чтобы заполучить предмет. Еще более вероятной казалась угроза того, что кто-то узнает в спасенном мореходе вора, ответственного за злключения владельца судна. Агиб все же решил остаться рядом с эмиром до

конца путешествия, используя любые доступные способы для сокрытия личности.

Шахразада осторожно села, когда заметила слабый свет, который струился через резные решетки, ведущие на балкон. Пытка начиналась заново.

– На протяжении последующих нескольких месяцев корабль бороздил морские воды в поисках горы из адаманта. Агиб делал все возможное, чтобы не дать судну достичь цели плавания. За это время он многое проведаль о многочисленных приключениях эмира и, в конечном счете, о его жизни, все больше и больше восхищаясь благодетелем. Тот, в свою очередь, разглядел в Агибе умного юношу с отважным сердцем и неистощимой жаждой к новым знаниям. Бывший вор превратился в умелого морехода, так как понял: люди могут уважать его не только за умение очищать карманы. Они могли уважать его как человека чести, как надежного товарища. Увы, время было не на их стороне. Преклонные годы нагнали эмира. Плохое самочувствие не позволяло ему больше странствовать по морю. Следовало вернуться в Багдад. Вскоре стало ясно, что эмир умирает. Каждый день, каждый час превращались в бесценное сокровище. Агиб с ужасом наблюдал, как его наставник и друг начал увядать на глазах. Юноша раздумывал, не спросить ли джинна о способе спасти эмира, но знал, что это было за пределами возможного.

Бледный рассвет медленно и неотвратно взбирался по решеткам.

– Агиб знал, что должен сделать. И сразу после того, как они пришвартовались в Багдаде, бежал с судна, захватив с собой лишь волшебный сосуд. Удалившись от пристани, он потерял край чаши и потребовал, чтобы джинн сказал, где найти кольцо. Узнав, на какой вопрос Агиб потратил свое последнее желание, всеведущее существо огушительно рассмеялось, но поведало: украшение находится на мизинце пользующегося дурной славой наемника. Не теряя времени, бывший вор пустился на поиски заветного предмета. Последовавшая борьба за кольцо оказалась кровавой и жестокой. Агиб был вынужден отдать все свои сбережения и оставшуюся добычу, чтобы выйти живым из логова головорезов. Избитый, весь в синяках, он вернулся на корабль, сжимая в руке драгоценное кольцо.

Рассвет наступил во всем своем бело-золотом великолепии.

И Шахразада была уверена, что халиф знает об этом, а потому с жаром продолжила:

– Эмир лежал, сражаясь за каждый вздох, но потянулся к Агибу, когда увидел его. Тот встал на колени у кровати умирающего и надел кольцо ему на палец. «Сын мой, – прохрипел пожилой мужчина, всматриваясь воспаленными глазами в покрытого синяками юношу, – прими мою величайшую благодарность». Услышав сии слова, Агиб заплакал и поведал эмиру о своей личности, однако тот остановил бывшего вора: «Я узнал тебя, впервые увидев на борту корабля. Пообещай, что до конца своих дней не станешь красть, а будешь трудиться, дабы улучшить жизни тех, кто рядом с тобой». Агиб кивнул и еще пуще залился слезами. Эмир отошел в мир иной с безмятежной улыбкой на устах, сжимая руку названного сына, завещав ему все имущество и передав свой титул. Вскоре молодой эмир взял в жены прекрасную девушку. Такой пышной свадьбы Багдад не видывал много лет.

Шахразада остановилась, метнув взгляд на солнечные лучи, которые проникали с балкона.

– Ты закончила рассказ? – тихо спросил халиф.

Она покачала головой, набрала в грудь воздуха и продолжила:

– После церемонии новый эмир принимал поздравления гостей. Одним из них оказался маг из далекой Африки. Он бродил по свету в поисках волшебной лампы. Хотя на самом деле его интересовал юноша по имени Аладдин.

– Это начало новой сказки, – произнес халиф, и на его челюсти заходили желваки.

– Вовсе нет, это часть той же истории.

Раздался негромкий стук в дверь.

Девушка поднялась с постели, накинула шамлу и трясущимися руками принялась завязывать тесемки под грудью.

- Шахразада...

- Видите ли, Аладдин являлся превосходным игроком... потомственным обманщиком. Его отец был...

- Шахразада.

- Это все та же сказка, мой повелитель, - произнесла она тихо, сжимая руки в кулаки под накидкой, чтобы скрыть предательскую дрожь.

Халиф тоже поднялся на ноги, когда стук в дверь стал более настойчивым, и велел:

- Войдите.

В покои ввалились четверо солдат, следом за ними вошел шахрбан Рея. При виде главного генерала Шахразада ощутила, как пол уходит из-под ног, и решительно выпрямилась, не желая показывать ни малейшего признака слабости.

«Зачем явился отец Джалала?»

- Генерал аль-Хури. Что-то случилось? - поинтересовался халиф.

- Нет, мой господин, - ответил шахрбан, кланяясь повелителю. Затем слегка замялся и продолжил: - Однако уже наступило утро.

Генерал метнул взгляд на Шахразу, однако тут же отвел глаза и побледнел.

«Неужели... Неужели он желает моей смерти? - гадала про себя она. - Но почему?»

Халиф промолчал, и шахрбан кивнул подчиненным, указывая на девушку. Солдаты тут же окружили ее.

Сердце выпрыгивало у нее из груди.

«Нет!»

Один из конвоиров схватил Шахразадку за запястье. Она отдернула руку, будто от огня, грозящего опалить кожу, и краем сознания отметила, как напряглось лицо халифа.

– Не трогайте меня, – воскликнула девушка. Когда второй солдат взял ее за плечо, она смахнула его руку и закричала, сама слыша панические нотки в голосе: – Вы что, оглохли? Как вы смее прикасаться ко мне? Вы знаете, кто я такая?

Не представляя, что еще можно предпринять, Шахразадка поймала взгляд халифа. Того самого чудовища, которое и стало причиной всего происходящего.

В тигриных глазах мелькнуло... смятение.

Настороженность.

А потом...

Они стали безмятежными.

– Генерал аль-Хури, – сказал халиф.

– Да, мой повелитель.

– Позвольте рассказать вам сказку о горе из адаманта.

– Но... – Шахрбан в замешательстве переводил взгляд с повелителя на Шахразадку. – Мой господин, вы не можете... Я не понимаю...

– Вы правы, генерал, – резко обернулся к пожилому мужчине халиф. – Вы не понимаете. И, вероятно, никогда не поймете. Тем не менее я хочу рассказать вам историю о горе из адаманта. – Он посмотрел на Шахразадку. На губах мелькнула тень улыбки. – Моя госпожа, до встречи.

Начало – это конец

Накидку-риду и все незащищенные части тела Тарика покрывал толстый слой песка. Темно-гнедой жеребец блестел от пота, в уголках губ уже начала собираться пена.

С каждым проходящим часом ворчание Рахима становилось все громче.

Однако Тарик уже видел на горизонте городские стены Рея. А потому отказывался останавливаться.

– Во имя всего святого, давай поедem чуть медленнее, – прокричал Рахим уже в который раз за последние пять минут.

– Ты волен поступать, как пожелаешь. Но стоит снизить темп, как ты выпадешь из седла. И станешь отличной закуской для стервятников, – бросил Тарик через плечо.

– Но мы скачем, будто спасаясь от пожара, уже два дня кряду!

– И в результате почти добрались до пункта назначения.

– Не пойми меня неправильно, – заявил Рахим, натягивая поводья и пуская лошадь легким галопом, – я переживаю за Шази так же сильно, как и ты. Но ты не сумеешь никому помочь, если окажешься полумертвым от голода и усталости.

– Как только доберемcя до поместья дядюшки Резы, можно будет отдохнуть и принять ванну, – ответил Тарик. – Но сначала нужно попасть в Рей. Я должен... – и он пришпорил жеребца.

– Чрезмерная обеспокоенность тоже до добра не доведет, – крикнул вдогонку Рахим. – Если кому и удастся выжить вопреки всем обстоятельствам, так это Шази.

– Она не должна была вообще оказаться в подобной ситуации, – сказал Тарик, осадив скакуна, чтобы поравняться с другом.

– Ты в этом не виноват.

– Думаешь, все дело в чувстве вины? – взорвался сын эмира.

– Я не знаю, в чем дело. Только вижу, что ты считаешь себя обязанным исправить ситуацию. А я считаю себя обязанным поддержать тебя. И Шази.

– Прости, – уже тише произнес Тарик. – Не следовало срывать на тебе. Я отдал бы все на свете, лишь бы предотвратить произошедшее. Одна мысль о ней...

– Хватит. Не мучай себя.

Несколько минут они скакали молча, но затем Тарик признался:

– Я действительно чувствую себя виноватым.

– Знаю.

– И ощущал те же эмоции после смерти Шивы.

– Но почему?

– Потому что не представлял, что сказать Шази после гибели ее лучшей подруги. После гибели моей двоюродной сестры. Я больше не находил нужных слов. Не мог утешить никого. Мама была ужасно расстроена. Тетя... тут, думаю, никто не смог бы помочь, никто не сумел бы предотвратить то, что случилось с ней. А Шахразада... она тоже словно утратила дар речи.

– Меня это особенно встревожило, – печально согласился Рахим.

– Мне следовало догадаться уже тогда. Я должен был заметить, что она что-то замышляет.

– Такое под силу лишь прорицателям, прозревающим будущее. Мы все о чем-то сожалеем. Я хотел бы быть не бесполезным третьим сыном, а богачом с красавицей-женой... с грудями, как спелые дыни, и ногами длинными, как дороги в пустыне.

– Рахим, я не шучу. Я должен был понять, что Шази затевает нечто подобное.

– Я тоже не шучу, – нахмурился тот. – Ты не можешь предвидеть грядущее. И ничего неспособен поделаться с прошлым.

– Тут ты ошибаешься. Я могу вынести урок на будущее. – Тарик пришпорил жеребца, и тот устремился вперед, превращаясь в размытую темную полосу на фоне пустыни. – Чтобы подобное никогда больше не повторилось!

* * *

Уже наступило утро, когда Тарик и Рахим наконец оказались в изысканном поместье Резы бин-Латифа, которое находилось в самом сердце Рея. Они спешили и принялись оглядываться. В центре двора блестел овальный фонтан из глазурованной темно-синей мозаики. Земля была выложена терракотовыми плитками, искусно вырезанными в форме шестиугольников. Зеленые лозы винограда обвивали колонны. У основания арок виднелись небольшие клумбы с фиалками, гиацинтами, нарциссами и лилиями. Фонари из сплава меди и железа украшали стены, ожидая темноты, чтобы продемонстрировать истинное великолепие.

И все же, несмотря на всю красоту дома, повсюду ощущалась атмосфера печали. Чувство ужасной потери, которую не могла заполнить никакая роскошь.

Тарик посадил Зорайю в импровизированную клетку в дальнем конце двора. Птица недовольно заклекотала, устраиваясь на незнакомом насесте, но сразу успокоилась, как только получила еду.

Рахим стряхнул с себя слой песка и сложил руки на груди.

– Проклятая птица окажется сытой раньше меня? И где справедливость в этом мире?

– Вижу, за прошедшие несколько лет мало что изменилось.

Тарик обернулся, услышав знакомый голос. Под одной из завешенных лозами арок стоял его дядя.

Оба юноши вышли вперед и склонили головы, прижимая кончики пальцев ко лбу, чтобы выразить почтение хозяину дома.

Реза бин-Латиф приблизился. На лице его была печальная улыбка. Темные волосы на голове поредели еще больше с того момента, когда они виделись в последний раз. Аккуратно подстриженные усы теперь казались еще более седыми. Морщинки возле глаз и рта, свидетельствующие о веселом нраве, углубились и отражали в корне неправильные эмоции...

Улыбка же выдавала, что душу дяди терзали призраки прошлого.

Лицо скрывалось под маской, надетой убитым горем человеком, чья горячо любимая семнадцатилетняя дочь ушла из жизни... а спустя три дня за ней последовала и жена. Жена, которая не вынесла потери единственного ребенка.

– Дядя, – поприветствовал Тарик, протягивая руку.

– Вы добрались очень быстро, дорогой племянник, – тепло сказал Реза бин-Латиф, сжимая его ладонь. – Я не ждал вас по меньшей мере до завтрашнего дня.

– Что с Шази? Она... еще жива? – Едва дождавшись кивка дяди, Тарик горячо воскликнул: – Тогда...

– К этому моменту все жители Рея знают про нашу Шахразиду, – прервал его Реза, и его печальная улыбка стала гордой. Рахим подошел ближе и сжал свободную руку друга. – Еще бы: единственная жена халифа, которая пережила не один, а целых два рассвета.

– Как я и говорил, – выдохнул Рахим. – Шази особенная.

– Но как? – спросил Тарик, ощущая, что его впервые за последние два дня покидает напряжение.

– Никто не знает, – ответил Реза. – Город так и гудит от слухов. Большинство считает, что халиф влюбился в юную жену. Но мне так не кажется. Убийцы, подобные ему, неспособны... – Он осекся, лицо исказилось от ярости.

– Я должен вывести Шази из дворца, – тихо произнес Тарик, наклоняясь к дяде и крепче сжимая его руку. – Ты мне поможешь?

– Что ты задумал? – спросил Реза, внимательно изучая решительное выражение лица и стиснутую челюсть племянника.

– Собираюсь вырвать сердце этого чудовища.

– То, что ты планируешь, называется государственной изменой, – дядя в ответ так сильно сжал ладонь Тарика, что тот поморщился.

– Я знаю.

– Чтобы преуспеть, нужно силой проникнуть во дворец или... развязать войну.

– Да, понимаю.

– Тебе не осуществить задуманное в одиночку, Тарик-джан, – тихо сказал Реза. Племянник выдержал его взгляд, ничего не ответив. – Ты готов начать войну ради Шахразеды? Вне зависимости от того, продолжит ли она... выживать?

– Наш так называемый правитель заслуживает смерти за ту боль, которую причинил нашей семье. Я не позволю ему забрать хоть что-то еще у меня... и всех остальных, если уж на то пошло. Пора нам отнять у него самое ценное. Если для этого придется захватить власть... – Тарик глубоко вдохнул. – Ты поможешь мне, дядя?

Реза бин-Латиф осмотрелся по сторонам, разглядывая прекрасный дворик, в каждом уголке которого таились призраки прошлого. Смех дочери теперь недостижимо парил в небе. Прикосновение жены просачивалось сквозь пальцы,

точно песок.

Он не мог попрощаться с ними. Воспоминания о любимых, пусть и выцветшие, пусть и мучительные, были единственным, что у него осталось. Единственным, за что стоило сражаться.

Реза перевел взгляд на сына эмира Назира аль-Зийяда, на наследника четвертой по величине и богатству крепости Хорасана. На вельможу царских кровей.

Тарик Имран аль-Зийяд – это шанс восстановить справедливость.

И снова вернуть воспоминания, наполнить их жизнью.

– Идем со мной.

Шамшир

– Вставайте.

Шахразада застонала и накрыла голову подушкой. Однако это не помогло.

– Вставайте, сейчас же! – повторила несносная служанка.

– Уходи, – проворчала Шахразада.

В ответ Деспина отняла у нее подушку и ударила по плечу госпожи с такой силой, что та на мгновение задохнулась, но тут же подскочила, пылая от ярости, которая прогнала остатки сонливости, и воскликнула:

– Ты с ума сошла?!

– Я же сказала, что пора просыпаться, – невозмутимо отозвалась служанка. Не зная, чем еще ответить, Шахразада запустила другой подушкой ей в голову. Однако Деспина перехватила метательный снаряд и рассмеялась: – Вставайте,

избалованная жена халифа, царица из цариц. Я все утро ждала, пока вы выпитесь. Но сейчас нам надо спешить.

Когда Шахразада наконец поднялась с постели, то заметила, что служанка снова безупречно одета и великолепно выглядит. Изящные складки нового наряда подчеркивали достоинства фигуры. Бледная кожа, искусно натертая благовониями, так и сияла в лучах солнца, проникавших с балкона.

– Где ты научилась такому? – с невольным восхищением проворчала Шахразада. Деспина подбоченилась и вопросительно изогнула изящную бровь. – Наряды, прически... все такое, – пояснила девушка, приглаживая спутанную гриву собственных волос.

– У себя на родине, в Фивах. Мать научила меня всем премудростям. А уж она была первой красавицей во всей Кадмии. Или даже на всех Эгейских островах.

– Ясно, – кивнула Шахразада, не сводя восхищенного взгляда с блестящих локонов собеседницы и рассеянно перебирая свои растрепанные волосы.

– Вот только этого не надо, – усмехнулась Деспина.

– Чего не надо?

– Пытаться вырвать у меня комплимент.

– Что? – возмутилась Шахразада.

– Я встречала таких девушек много раз: всеобщие любимицы, признанные красавицы. Вы вечно купаетесь в обожании, даже не осознавая собственной привлекательности, однако страдаете от потребности нравиться окружающим, как и остальные. Даже если вы не знаете, как подчеркнуть достоинства внешности, это не значит, что они остаются незамеченными. Но я могу этому научить. Хотя, похоже, моя помощь и не требуется, – подмигнула Деспина. – Очевидно, что халифу вы нравитесь такой, какая есть.

– Вряд ли можно назвать его разборчивым мужчиной. Сколько жен у него было только за последние несколько месяцев? Шестьдесят? Семьдесят пять? –

парировала Шахразада.

- Однако он не посещал их покои, - поджала губы служанка.

- Что?

- Обычно девушек выбирали наугад, а после церемонии обручения... ну, вы и сами знаете, что случилось по утрам.

- Не обманывай меня, Деспина.

- С чего бы мне лгать? Из всех юных жен халиф посетил лишь вас. - Заметив недоверчивое выражение лица Шахразады, служанка добавила: - И если интересно, я не должна была этого рассказывать.

- Тогда почему рассказала?

- Сама не знаю, - она пожала плечами. - Может, хотела вам понравиться.

- Если хочешь завоевать мою признательность, лучше помоги выбрать наряд, - бросив на собеседницу тяжелый взгляд, заявила Шахразада. - А еще принеси еды. Я умираю с голоду.

- Я уже подобрала длинный камис и подходящие шаровары, - усмехнулась Деспина. - Одевайтесь - и можно будет идти.

- Но я еще не приняла ванну! Куда ты хочешь меня отвести?

- Вы хотите испортить сюрприз?

- Хочу знать, куда мы направляемся, - настойчиво протянула Шахразада. - Скажи немедленно!

- Хорошо, - раздраженно выдохнула Деспина. - Объясню, пока будете одеваться. - Она бросила госпоже выбранный наряд и указала на ширму для переодевания, после чего заговорила: - Прошлой зимой халиф отправился

в Дамаск, чтобы посетить ассирийского правителя, и, когда гостил там, увидел новую купальню малика: огромный бассейн с водой, температура которой поддерживается специально нагретыми камнями. Считается, что пар творит чудеса с кожей. Как бы там ни было, халиф приказал построить похожую купальню здесь, во дворце! И ее как раз недавно закончили!

- И что с того?

- Очевидно, что именно купальня и является местом нашего назначения, - закатила глаза служанка.

- Очевидно, - фыркнула Шахразада. - Просто не понимаю, откуда такое восхищение.

- Оттуда, что купальня великолепная! И совсем новая. Вы будете одной из первых, кто насладится подобной роскошью.

- Значит, план халифа заключается в том, чтобы сварить меня заживо? - ядовито прокомментировала девушка, вызвав улыбку служанки, и вышла из-за ширмы. - Я готова.

Сегодняшний наряд из светло-зеленой льняной ткани был простого покроя. Облачение дополняли подходящие по цвету серьги с нефритом и золоченые шлепанцы с загнутыми вверх носами.

Шахразада откинула за спину косу и решительно направилась к выходу из покоев. Не обнаружив за дверями Воина, она оглянулась на служанку и поинтересовалась:

- И где же телохранитель?

- А, его освободили от выполнения обязанностей на сегодняшний день.

- Что? Но почему?

- Потому что мы собираемся посетить купальни. Он не может сопровождать нас туда, не так ли?

– Нет, но... – поджала губы Шахразада и заметила выражение лица Деспины, которая потянулась, чтобы закрыть двери. Она выглядела так, будто что-то скрывала. – Немедленно признавайся, куда делся Воин.

– Я же сказала. Освобожден от дел на сегодня.

– Это я поняла. Но чем он занимается в свободное время?

– Мне-то откуда знать?

– Ты знаешь все и обо всех.

– Но только не о Воине.

Шахразада задумалась. Деспина явно ее обманывала. Но с какой целью? Или реальным местом их назначения являлись вовсе не купальни? Может, от Воина избавились намеренно?

– Я никуда не пойду, пока не скажешь, где сейчас находится мой телохранитель.

– Во имя Зевса, вы упрямее осла, Шахразада аль-Хайзуран! – воскликнула служанка.

– Так и запомни. Это сэкономит время в будущем. А теперь отвечай мне.

– Нет.

– Сейчас же говори, злокозненная фиванка!

– Не могу, ослиная вы задница!

Отповедь невыносимой служанки заставила Шахразаду застыть с открытым ртом. Однако она быстро оправилась и сообщила:

– Послушай, мы можем либо стоять в коридоре и кричать друг на друга, либо ты сразу подчинишься мне, сэкономив время нам обеим. Когда мне было двенадцать лет, нас с лучшей подругой ложно обвинили в краже ожерелья. Четырнадцатилетний сын лавочника сказал, что отпустит нас за поцелуй от каждой. Я сломала нос негодяю, а лучшая подруга толкнула его в корыто с водой. Когда же прибежал его отец, мы все отрицали. В наказание мне пришлось просидеть под дверью нашего дома всю ночь. Я спала как младенец.

– И к чему вы это рассказали?

– Я никогда не проигрываю и не боюсь пролить кровь.

– Хорошо! – пристально взглянув на решительно настроенную госпожу, сдалась служанка. – Воин... участвует в состязании. Сегодня во дворце соревнуются лучшие фехтовальщики. – Она заметила расчетливо вспыхнувшие глаза Шахразады и простонала: – Вот! Именно поэтому я не хотела ничего говорить. Вам нельзя туда идти. Если халиф увидит...

– Он тоже участвует в состязании?

– Конечно.

– Ты должна помочь мне посмотреть турнир, – объявила Шахразада и добавила уже менее уверенно: – Халиф ничего мне не сделает.

– Не могу сказать того же на свой счет, – возразила Деспина.

– Тогда покажи, откуда можно наблюдать за состязанием так, чтобы никто не знал об этом?

– Давайте просто отправимся в купальни? – умоляюще протянула служанка.

– Конечно. Сразу после того, как посмотрим турнир.

– Помилуй, Гера-заступница. Кто бы знал, что такое престижное назначение станет причиной моей гибели.

* * *

– Это определенно самый глупый поступок из всех, что я совершила за шесть лет жизни во дворце, – тихо сказала Деспина, когда они скорчились за стеной, сложенной из сырцового кирпича и украшенной сверху решеткой. Оттуда было видно песчаную арену внизу.

– Если нас поймут, скажи, что я тебя заставила, – прошептала Шахразада.

– Даже не сомневайтесь, именно так я и сделаю.

– Ты когда-нибудь смотрела турнир?

– Нет, он не предназначен для посторонних глаз.

– И почему же?

– Не знаю, возможно... – Деспина осеклась, когда первый воин вышел на арену.

– Теперь я и сама догадываюсь, – слегка нервозно рассмеялась Шахразада.

Полуголый торс мужчины блестел от пота на полуденном солнце. На нем не было ничего, кроме шаровар и кушака. Ни камиса. Ни риды. Босой воин молча обнажил длинный скимитар. Клинок сужался ближе к рукояти и расширялся в месте изгиба. Острый кончик лезвия зловеще сверкал.

Фехтовальщик вскинул кривой ятаган над головой.

– А где же соперник? – спросила Шахразада.

– Не имею ни малейшего представления.

Воин начал поводить клинком в воздухе, разминаясь. Затем затанцевал по песку, нарезаая дугообразными движениями ярко-голубое небо. Серебристое лезвие скимитара мелькало, как росчерки молний.

Когда мужчина застыл на месте, со всех сторон слышались одобрителные возгласы и свист.

– Должно быть, они начинают с разминочных упражнений, прежде чем приступить к состязанию, – предположила Деспина.

– Спасибо, что поделилась мудростью, о всезнающая фиванка.

– Если я сейчас столкну вас, то выглядеть вы будете уж точно не самым величественным образом.

Пока девушки переругивались, на арене несколько воинов уже продемонстрировали свои навыки. На песок шагнул великан с широкими плечами. Под бронзовой кожей бугрились рельефные мышцы.

– Да он может голыми руками раздавить мне череп, – прошептала Шахразада.

Деспина лишь хихикнула.

Воин обнажил тальвар, занес его над головой и на секунду застыл в этой позе. Клинок блеснул на солнце и словно растворился в воздухе, пока владелец сабли с немыслимой скоростью вращался, делал замах и припадал к песку. А в самом конце разминки поднес свободную руку ко рту и дунул. С открытой ладони на лезвие тальвара перетекла струя пламени, которая охватила клинок.

Воин же занес свое полыхающее оружие над головой и с силой вонзил его в песок, гася огонь.

Зрители разразились оглушительными криками.

Шахразада и Деспина уставились друг на друга в немом изумлении.

– Я... я...

– Понимаю, – кивнула служанка.

Занятые обменом впечатлениями, они не заметили, как на арене появился следующий фехтовальщик. Шахразада взглянула вниз и неприятно удивилась своей реакции: при виде загорелого поджарого воина ее сердце замерло и забилось чаще. Она нахмурилась и поджала губы, стараясь не обращать внимания на то, как красиво блестел на полуденном солнце обнаженный торс халифа и насколько рельефными казались его мышцы.

– Несмотря ни на что, должна признаться, что всегда находила нашего правителя крайне привлекательным, – вздохнула Деспина. – Жаль, что он такой жестокий.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мавлана? Джалал ад-Ди?н Мухамма?д Руми? (1207–1273 гг.) – персидский поэт-суфий. – Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.

2

Дамаст – узорчатая шелковая ткань, которую ткали с раннего Средневековья в Дамаске, Сирия.

3

Баба? – уважительное обращение к отцу в арабских странах.

4

Значения выделенных курсивом слов указаны в разделе «Глоссарий».

5

Па?тина, или пати?на – пленка или налет на меди и ее сплавах.

6

Раджпуты – каста, причисляющая себя к потомкам кшатриев, то есть воинов в древней индоарийской Индии. Раджпут – воин, рыцарь.

Купить: https://telnovel.me/ahdie_rene/yarost-i-rassvet

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)